

Издательский дом «Плутон»

Научный журнал «Юридический факт»

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431 УДК

378.001

LX Международная научная конференция
«Свобода и право»

СБОРНИК СТАТЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ

23 декабря 2019

Кемерово

СБОРНИК СТАТЕЙ ШЕСТИДЕСЯТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СВОБОДА И ПРАВО»

23 декабря 2019 г.

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

ISBN 978-5-6040934-2-9

Кемерово УДК 378.001. Сборник докладов студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава. По результатам LX Международной научной конференции «Свобода и право», 23 декабря 2019 г. www.ur-fakt.ru / Редкол.:

Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзугцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

В сборнике представлены материалы докладов по результатам научной конференции.

Цель – привлечение студентов к научной деятельности, формирование навыков выполнения научно-исследовательских работ, развитие инициативы в учебе и будущей деятельности в условиях рыночной экономики.

Для студентов, молодых ученых и преподавателей вузов.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru

Подписано в печать 23.12.2019 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л.3.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.

Содержание

1. ЦЕЛИ ОСНОВНЫХ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ НАКАЗАНИЙ.....	3
Орлова К.И., Улезько И.С.	
2. ФУНКЦИИ ОСНОВНОГО И ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО НАКАЗАНИЙ.....	5
Орлова К.И.	
3. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ	7
Максимов Д.С., Убушаев А.А., Шувалов П.С., Макарова А.С.	
4. ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТА ХАЛАТНОСТИ.....	10
Каримова Т.Е.	
5. ПОБОИ И ИСТЯЗАНИЯ В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ	13
Гончарова Ю.И., Петкова В.В.	
6. ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ, СОВЕРШАЮЩИХ ПОБОИ И ИСТЯЗАНИЯ ...	16
Петкова В.В.	
7. ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ, СОВЕРШАЕМЫХ ЖЕНЩИНАМИ.....	19
Яковлев А.В., Рябухин В.В.	
8. ОСОБЕННОСТИ ТИПОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИЦ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ.....	21
Рябухин В.В.	
9. ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....	24
Бойко А.И., Сетракова М.А.	
10. ПРОБЛЕМА РЕЦИДИВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И КРИМИНОЛОГИИ.....	27
Сетракова М.А.	
11. ВИДОВОЙ ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ.....	30
Голоднов Д.О.	
12. ПРОФИЛАКТИКА НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ.....	32
Голоднов Д.О.	
13. ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТА МОШЕННИЧЕСТВА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ЧАСТЯМИ 5-7 СТАТЬИ 159 УК РФ.....	35
Марценовский Д.А.	
14. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (Ч. 5–7 СТ. 159 УК РФ): ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ.....	38
Гончарова Ю.И., Марценовский Д.А.	
15. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «РАЗВРАТНЫХ ДЕЙСТВИЙ».....	43
Зайцева Л.А., Саксеева М.А.	
16. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОСТАВА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 135 УК РФ.....	46
Саксеева М.А.	
17. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РЕАБИЛИТАЦИЮ НАЦИЗМА: ИСТОРИКО- ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА.....	49
Овсянников В.А., Жуков А.С.	
18. ПРОБЛЕМА РЕЦИДИВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И КРИМИНОЛОГИИ.....	55
Жуков А.С.	
19. ОСОБЕННОСТИ ОТГРАНИЧЕНИЯ РАЗБОЯ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ...58	
Улезько С.И., Алпатов А.М.	
20. ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗБОЕВ.....	61
Алпатов А.М.	
21. ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 337, 338 УК РФ.....	63
Коруненко Е.Ю., Разумовская С.Г.	
22. ОТГРАНИЧЕНИЕ САМОВОЛЬНОГО ОСТАВЛЕНИЯ ЧАСТИ ИЛИ МЕСТА СЛУЖБЫ И ДЕЗЕРТИРСТВА ОТ СХОДНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	66
Разумовская С.Г.	
23. ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ.....	70
Клочкова А.Л., Светличная Л.А.	
24. ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛЯ ДЛЯ ЛЕГАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ.....	73
Светличная Л.А.	

Статьи LX Международной научной конференции «Свобода и право»

Орлова Карина Игоревна
Orlova Karina Igorevna

магистрант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО РГЭУ «РИНХ»

Улезько Иван Сергеевич
Ulezko Ivan Sergeevich

к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии ЧОУ ВО
«Сибирский юридический университет»

УДК 343.241

ЦЕЛИ ОСНОВНЫХ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ НАКАЗАНИЙ

OBJECTIVES OF BASIC AND ADDITIONAL PUNISHMENTS

Аннотация: в статье анализируются цели наказания. Обращается внимание, что, хотя закон не дифференцирует цели наказания в зависимости от его вида, цели дополнительного наказания имеют свои особенности.

Abstract: the article analyzes the goals of punishment. Attention is drawn that, although the law does not differentiate the purposes of punishment depending on its type, the purposes of additional punishment have their own characteristics.

Ключевые слова: основное наказание, дополнительное наказание, цель, особенности.

Keywords: main punishment, additional punishment, purpose, features.

Закон не дифференцирует цели наказания в зависимости от его вида [5, 324]. Правильно указывал М. Д. Шаргородский, что «конкретные виды наказаний, входящие в систему наказаний, отличаются друг от друга не по конечной цели, которая перед ними поставлена, а по средствам ее достижения» [6, 55]. Не дифференцируются в законе и цели применения основных и дополнительных наказаний. Назначение дополнительных наказаний служит тем же целям, что и назначение основного – исправлению осужденных, частной и общей превенции, восстановление социальной справедливости. Попытка разграничить основное и дополнительное наказание по тем целям, которые перед нами ставятся, представляется необоснованной. Мнение Г. А. Кригера и Г. Л. Кригер о том, что основным наказанием «Законодателем связывается задача достижения в основном целей наказания или по крайней мере как минимум – достижения исправления виновного, а дополнительное наказание предназначено для завершения его перевоспитания» [2, 13], основывается на ошибочном представлении об исправлении как первом этапе перевоспитания и о различиях в результатах, достигаемых с помощью процесса исправления и процесса перевоспитания. Критический анализ этой концепции, предпринятый выше, приводит к выводу о ее необоснованности. Никаких же иных аргументов в пользу разграничения основных и дополнительных наказаний по целям их применения не приводится. Как правильно заметили И. М. Гальперин и Ю. Б. Мельникова, нет ни теоретических, ни эмпирических данных для вывода о различном влиянии основных и дополнительных наказаний с точки зрения достижения целей уголовного наказания [1, 17].

В п.1 действующего ныне постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» от 11 января 2007 г. № 2 (в редакции от 3 декабря 2013г. №5) говорится: «Обратить внимание судов на необходимость исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания, имея в виду, что справедливое наказание способствует решению задач и осуществлению целей, указанных в статьях 2 и 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ)» [3].

О совпадении и единстве целей основного и дополнительных наказаний подчеркивалось в ранее действовавшем постановлении Пленума Верховного суда СССР от 29 августа 1980 г. № 6 «О практике назначения судами дополнительных наказаний», в п. 1 которого указано: «правильное сочетание основного и дополнительных наказаний способствует... более успешному достижению

цели исправления и перевоспитания осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами» [4, 229].

Несмотря на вышеуказанное единство, дополнительные наказания имеют дополнительные цели, без достижения которых невозможно достижение конечных целей единого совокупного наказания.

К целям дополнительных наказаний относятся:

а) защита интересов государства и восстановление авторитета государственной должности — при совершении умышленных преступлений государственными служащими из корыстной или иной личной заинтересованности;

б) защита интересов, коммерческих или иных организаций, не являющихся государственными, — при совершении умышленных преступлений из корыстной или иной личной заинтересованности лицами, выполняющими управленческие функции в этих организациях;

в) защита прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства — при злоупотреблениях по службе должностными лицами, использовании полномочий по службе иными лицами в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам;

г) восстановление социальной значимости специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград;

д) ограничение возможности совершения осужденным новых преступлений с использованием полномочий по должности или иных полномочий, связанных с его профессиональной или иной деятельностью;

е) компенсация расходов государства, связанных с осуществлением правоохранительной деятельности (при назначении штрафа);

ж) компенсация ущерба лицам, потерпевшим в результате совершения преступления, за счет конфискованного имущества.

Цели дополнительных наказаний являются составляющими цели восстановления социальной справедливости, не противопоставляются ей, взаимодействуют с конечными целями наказания, подчеркивают социальную значимость наказания и усиливают эффективность единого совокупного наказания.

Библиографический список:

1. Гальперин И. М., Мельникова Ю. Б. Дополнительное наказание. М.: Юрид. лит., 2010. - С. 7.
2. Кригер Г. А. О дополнительных мерах наказания // Российская юстиция. 2012. № 1. - С. 13.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» от 11 января 2007 г. № 2 (в актуальной редакции) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4.
4. Судебная практика по уголовным делам в двух частях. Часть 1. Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР, РСФСР и Российской Федерации Сост. С.А. Подзоров – М., Бек, 2010 г. - С. 229.
5. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие для СПО / Под ред. И.А. Подройкиной, С.И. Улезько. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2019. - С.324.
6. Шаргородский М. Д. Система наказаний и их эффективность // Государство и право. 2011. № 11. - С. 55.

Орлова Карина Игоревна**Orlova Karina Igorevna**магистрант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО РГЭУ «РИНХ»

УДК 343.241

ФУНКЦИИ ОСНОВНОГО И ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО НАКАЗАНИЙ**FUNCTIONS OF THE MAIN AND ADDITIONAL PUNISHMENTS**

Аннотация: в статье анализируются функции основного и дополнительного наказаний. Обращается внимание, что при полном совпадении целей основного и дополнительного наказаний, их функции, представляющие собой средства достижения этих целей, совпадают лишь частично.

Abstract: the article analyzes the functions of the main and additional punishments. Attention is drawn to the fact that in case of complete coincidence of the main and additional punishments, their functions, which are the means to achieve these goals, coincide only partially.

Ключевые слова: основное наказание, дополнительное наказание, функция, особенности.

Keywords: main punishment, additional punishment, function, features.

Единство основного и дополнительного наказаний образует систему, функции которой соотносятся с функциями ее компонентов в соответствии с системной концепцией функциональности социальных объектов [4, 314]. Основные положения этой концепции состоят в следующем: «Каждая социальная система – система целесообразная, т.е. стремящаяся к достижению определенной цели. Цель требует средств, действий по ее достижению. Действия системы, ее компонентов для достижения цели и представляют собой функции системы и ее компонентов. Функции компонентов производны от функций системы, они направлены на достижение системных целей. «Работая» на главную цель, компоненты выполняют свои специфические функции, действуя для достижения своей специфической цели. Эта же последняя есть не что иное, как средство достижения общей цели» [2, 39].

Система «двуединое наказание» целесообразна: она должна обеспечить достижение целей наказания. В этом состоит ее функция. Компоненты этой системы – основное и дополнительное наказания – выполняют функции, производные от функции системы, направленные на достижение целей системы в целом. Но функции эти – неодинаковы, они отличаются своеобразием, которое проистекает из того, что один из компонентов является основным (наказанием), а другой – дополнительным.

Различие между ними состоит в следующем. Основное наказание выполняет основную функцию обеспечения достижения его целей; при этом оно выполняет ее одинаково в отношении различных лиц, совершивших различные преступления. И хотя в порядке отбывания основных наказаний существует некоторая дифференциация (виды исправительных учреждений), она исходит, главным образом, не из характера совершенного преступления, не из учета ценностных ориентаций лица, его совершившего, а из факторов, учитывающих не столько характер, сколько степень общественной опасности осужденного.

Иное положение с дополнительным наказанием. Сам термин «дополнительное наказание» означает, что это наказание, по сравнению с основным, является вспомогательным средством принудительного воздействия на осужденного, применяемым не всегда, а лишь тогда, когда возникает необходимость добиться с помощью применения наказания такого эффекта, достичь которого назначением лишь основного наказания оказывается затруднительным или вовсе невозможным. Действительно, во всех случаях применения уголовного наказания, основное наказание всегда присутствует; дополнительное может назначаться, а может и не быть назначенным. То обстоятельство, что в некоторых случаях законодатель признает применение дополнительного наказания обязательным, не меняет его сущности как наказания, дополняющего собой основное, а потому и не может рассматриваться как аргумент против признания его вспомогательным средством воздействия.

По мнению некоторых авторов, вспомогательная роль дополнительного наказания заключается в том, что оно облегчает достижение совокупным наказанием стоящих перед ним целей

[3, 18]. В зависимости от его характера, дополнительное наказание может усиливать либо исправительно-вспомогательные, либо частно-предупредительные, либо обще-предупредительные стороны основного наказания. Соответственно смыслу его существования дополнительное наказание должно быть специфичным для преступления данного вида и личности совершившего его лица и придавать совокупному наказанию определенную качественную окраску, соответствующую задаче его индивидуализации. Это положение четко выражено в законодательной регламентации в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, которое может быть назначено только при совершении преступлений по должности или при занятии определенной деятельностью с учетом характера этих преступлений, и может распространяться только на те должности или деятельность, которые были использованы для совершения преступления. Поэтому вряд ли можно полностью согласиться с категоричным мнением И. М. Гальперина, что «виды наказания, обеспечивая карательное и воспитательное воздействие, с неизбежностью абстрагируется от свойств преступления» [1, 65]. Во-первых, есть виды наказания, которые вовсе не абстрагируются от свойств преступления; во-вторых, представляется необходимым стремиться к тому, чтобы дополнительное наказание во всяком случае назначалось с учетом свойств преступления и совершившего его лица, характера их общественной опасности. Эта задача охватывается понятием индивидуализации наказания, одним из инструментов которой выступает дополнительное наказание. Следовательно, при полном совпадении целей основного и дополнительного наказаний, их функции, представляющие собой средства достижения этих целей, совпадают лишь частично

Библиографический список:

1. Гальперин И. М. Наказание: социальные функции, практика применения. - М.: Бек, 2013. - С. 65.
2. Попова Л. В. Системный подход в исследовании понятия уголовно-процессуальных функций // Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам.- Калининград, 2014. Вып. 10. - С. 39-40.
3. Цветинович А. Л. Дополнительные наказания: функции, система, виды. - Саратов: Из-во Саратовского ун-та. 2009. - С.18-19.
4. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие для СПО /Под ред. И.А. Подройкиной, С.И. Улезько. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2019. - С.314.

Максимов Даниил Сергеевич**Maksimov Daniil Sergeevich**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

E-mail: konferens2019@mail.ru**Убушаев Алмаз Александрович****Ubushaev Almaz Aleksandrovich**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

E-mail: konferens2019@mail.ru**Шувалов Павел Сергеевич****Shuvalov Pavel Sergeevich**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

E-mail: konferens2019@mail.ru**Макарова Алина Сергеевна****Makarova Alina Sergeevna**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

E-mail: konferens2019@mail.ru

УДК 34

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН: ПРОБЛЕМА
СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ****LEGAL CULTURE IN THE LEGAL SYSTEM OF CITIZENS: THE PROBLEM OF THE
CORRELATION OF CONCEPTS**

Аннотация: право и культура являются важнейшими элементами государства и общества в целом. Несмотря на достаточно диаметрально содержание они тесно переплетаются с точки зрения целей и воздействия на каждого индивида общества.

Abstract: law and culture are the most important elements of the state and society as a whole. Despite the rather diametrical content, they are closely intertwined in terms of goals and impact on each individual in society.

Ключевые слова: право; культура; правосознание; общественные потребности; действительность.

Keywords: law; culture legal awareness; social needs; actuality.

Взаимодействие право и культуры является разносторонним, включающим в себя множество связей на всех уровнях существования государства и общества. Как отмечает А.И. Гусейнов «соотношение между правом и культурой сложное. Оно включает в себя четыре условия: единство, различие, взаимодействие, противоречие» [2].

В свою очередь, единство право и культуры заключается в том факте, что культура по своей фундаментальной сути выступает общеисторической ценностью, включающей достижения правовой мысли на той или иной ступени общественного развития. Совершенно естественно, что права и культура является результатом развития общества, то есть вытекают из общественных потребностей. При этом некоторые исследователи придерживаются позиции, что культура как форма одновременно бытия и общения людей различных — прошлых, настоящих и будущих — культур, форма диалога и взаимопорождения этих культур имеет большое значение для понимания и развития права [3]. На наш взгляд, подобный подход приводит к определенным разрывам к понимаю взаимосвязи культуры и права. Вместе с тем, подобный социальные явления неразрывно связаны и обладают высокой степенью общественной важности. При этом действительно культурная среда оказывает немаловажное воздействие на практику развития правовой системы общества.

Соответственно право, выступая своеобразным ядром правовой системы и культуры, выполняет нормативные функции. Право позволяет обеспечить культуре распространение на все сферы жизни общества, а также приводит к упорядочению общественных отношений, в том числе

реализации нормальных условий жизнедеятельности человека.

Право и культура оказывает воспитывающее воздействие на поведение людей через все имеющиеся общественные институты, что позволяет говорить о том, что право и культура являются первостепенными общественными регуляторами.

Нормативно-ценностное измерение культуры, позволяет раскрыть поведение людей в сфере права. поведение не в изолированном «правовом поле» (в реальной жизни оно не существует в химически чистом виде), а объективируемое в результате взаимодействия всех элементов социокультурной системы [4]. В результате, культура включает в себя такие составляющие как:

1. Определенный набор нормативов, в который включаются религия, мораль, право, обычаи и традиции;
2. Процесс осознания важности тех или иных нормативов, а также выявление роли каждого из них в конкретных период развития общества и государства;
3. Воспроизводство определенных образцов, эталонов и ценностей в реальной деятельности людей;
4. Результаты данной деятельности, которые проявляются во всех сферах деятельности человечества в целом.

Нельзя не согласиться с П.С. Гуревичем, который в процессе своих научных исследований приходит к выводу, что «Каждая культура есть способ творческой самореализации человека. Поэтому постижение иных культур обогащает нас не только новым знанием, но и новым творческим опытом» [5]. Такой пример отлично показывает тесную взаимосвязь культуры и права. На сегодняшний день огромное количество нормативных правовых актов, содержат заимствования из других правовых систем или систем правового регулирования конкретной страны (Например, предусмотренный статьей 824 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] договор факторинга).

При этом совершенно естественно, что различие права и культуры заключается в том, что они по-своему отражают реальную действительность в силу того, что они обладают различными функциями, механизмами, критериями и социальными мерками. Важнейшим фактором подобных различий выступает тот факт, что нормы культуры в отличие от норм права создают и реализуются не государством, а возникают непосредственно в ходе практической деятельности человека. При этом каждое государство обладает только одной правовой системой (которая может быть совокупностью целого ряда правовых системы, например, современная Россия обладает чертами как романо-германской правовой системы, так и англо-саксонской, что выражается в заимствованных институтах английского права) в отличие от культуры, которая дифференцируется по целому ряду внутренних критериев, точное количество которых определяется спецификой конкретной страны.

Степень взаимодействия права и культуры определяется степенью развития общественных отношений. На наш взгляд, в современном мире право и культура неразрывно связаны, так как по своей сути право является одним из фундаментальных элементов практически любого общества и государства.

В современном мире взаимодействие права и культуры рассматривается через проблему культурализма, что связано с изменением всей структуры общественной жизни. Именно множественность и уникальность стали формировать видение реальность, в том числе подобные процессы произошли и с правом. При этом также возникает огромное количество вопросов, связанных с глобализацией, в том числе с созданием глобального права. Вместе с тем, создание глобального права должно сочетаться с формированием единой мировой культуры. Нельзя не согласиться с Ю.В. Сорокиной, отмечающей, что «в современном мире можно признать существование общечеловеческих ценностей как предмета межнационального общения и взаимодействия, но невозможно говорить о мировой культуре как системном явлении» [6]. В то же время совершенно понятно, что единая культура является очень сложным социальным явлением, который требует глубинного и подробного изучения.

При этом право и культура также изменяют свою внутреннюю структуру под воздействием тех или иных изменений общественной жизни внутри каждого государства. Возвращаясь к рассмотрению непосредственного взаимодействия права и культуры необходимо подчеркнуть, что право содержит идею свободы в большей степени по сравнению с культурой в силу того, что в самой основе права лежит идея структурирования и охрана прав и свобод, то есть право устанавливает и охраняется права и свободы. Как пишет А. И. Гусейнов, «право и культура, как и всякая целостная

система существуют в определенном взаимодействии друг с другом, что выражается в многообразном их взаимовлиянии. Культура и правовая система поддерживают друг друга в упорядочении общественных отношений» [7]. На наш взгляд, правовая система является более подвижным социальным явлением, что предопределяет больше воздействие права на культуру, а не наоборот.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
2. Гусейнов А. И. Соотношение права и культуры // Социология власти. 2005. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-prava-i-kultury> (дата обращения: 20.11.2019).
3. Бабенко А.Н. Правовые ценности в контексте развития культуры: проблема взаимодействия // Сибирский юридический вестник. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-tsennosti-v-kontekste-razvitiya-kultury-problema-vzaimodeystviya> (дата обращения: 20.11.2019).
4. Лукашева Е.А. Право и культура // Труды Института государства и права РАН. 2012. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-kultura> (дата обращения: 20.11.2019).
5. Гуревич П.С. Культурология. М., 2005. С. 14.
6. Сорокина Ю.В. О взаимодействии права и культуры // Вестник ВГУ. Серия: Право.2017. № 4. С. 71-87.
7. Гриценко Т. Д. Право в системе культуры. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3586.

Каримова Татьяна Евгеньевна
Karimova Tatiana Evgenievna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТА ХАЛАТНОСТИ

PROBLEMS OF DETERMINING THE OBJECT OF NEGLIGENCE

Аннотация: В статье проанализированы проблемы применения уголовного законодательства, связанные с оценкой объекта халатности, занимающего важное место среди признаков данного состава преступления. Проанализировав проблемы применения уголовного законодательства, связанные с оценкой объекта халатности автор, обобщив мнения различных ученых, предлагает варианты их решения.

Annotation: The article analyzes the problems of application of criminal legislation related to the assessment of the object of negligence, which occupies an important place among the signs of this crime. Having analyzed the problems of application of criminal legislation related to the assessment of the object of negligence, the author, summarizing the opinions of various scientists, offers solutions.

Ключевые слова: состав преступления, квалификация преступления, должностные преступления, объект халатности, многообъектное преступление, предмет халатности.

Keywords: composition of the crime, qualification of the crime, official of the crime, the object of negligence, multi-site crime, the subject of negligence.

Состав халатности не содержит иерархии признаков: отсутствуют признаки обязательные и факультативные. Все признаки выступают в качестве равноправных, отсутствие даже одного, означает отсутствие всего состава преступления. Специфика деятельности следователей, адвокатов, дознавателей, судей, прокуроров и любых других правоприменителей такова, что одни признаки, можно выявить раньше, чем другие, а уже известный признак помогает установить остальные, пока еще неизвестные. Определение большинства признаков состава не прояснит реальный их смысл до тех пор, пока не будет доказан самый последний признак. После того как установлены все признаки, их снова и снова исследуют самостоятельно и отдельно, а потом осуществляют квалификацию. Признаки имеют различия в своем объеме, и в своей информативности. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что для квалификации преступлений существенное значение имеет правильное определения объекта преступления. Установить критерии разграничения смежных составов преступлений, выяснить характер и степень общественной опасности совершенного деяния, помогает объект преступления. Между тем, объект преступления является одним из самых сложных и противоречивых институтов уголовного права [1, с. 107].

Ошибки в правоприменительной практике нередко связаны с неверно установленными признаками объекта халатности, что существенно затрудняет единообразное применение уголовного закона. Именно практическая значимость и теоретическая сложность проблемы объекта халатности вызывают необходимость проведения такого исследования. Высокая степень общественной опасности халатных преступлений обосновывается прежде всего тем, что в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения должностным лицом своих обязанностей, вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, существенно нарушаются не только интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, но и причиняется крупный ущерб гражданам, организациям или государству. При определении объекта любого преступления исходным положением, является признание объектом совокупности общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Для того чтобы правильно квалифицировать содеянное, наукой уголовного права произведена дифференциация объекта по вертикали и по горизонтали. По вертикали выделяют общий, родовой и непосредственный объект. Родовой объект халатности заключается в совокупности общественных отношений, которые обеспечивают нормальную и законную деятельность должностных лиц [2, с. 402]. В уголовно-правовой доктрине к одному из самых сложных и дискуссионных вопросов относится вопрос об объекте преступлений, предусмотренных гл. 30 УК РФ. Проблема установления объекта должностных преступлений

неотделима в целом от проблемы определения объекта конкретного должностного преступления, в том числе и халатности. Так, Б.В. Волженкин определяет объект должностных преступлений как «нормальную деятельность публичного аппарата управления в лице государственных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, органов местного самоуправления, а также аппарата управления в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации по выполнению стоящих перед ними задач» [3, с. 40]. По справедливому мнению некоторых ученых, наименование раздела X УК РФ «Преступления против государственной власти» не в полной мере отражает его содержание, сужая пределы охраны. Полагаем, следует согласиться с авторами, предлагающими изложить его название в следующей редакции: «Преступления против публичной власти», что позволит охватить все общественные отношения, охраняемые этим разделом УК РФ [4, с. 30]. Так, Т.Б. Басова утверждает, что «объект должностных преступлений гл. 30 УК РФ, состоит из нескольких элементов: – публичная власть, включающая все ветви государственной власти и местное самоуправление; – интересы государственной службы; – интересы муниципальной службы».

Родовой объект преступлений, предусмотренных гл. 30 УК РФ, по мнению Т.Б. Басовой следует определить, как «нормальную, регламентированную законом и отвечающую интересам развития общества деятельность аппарата публичной власти» [5, с. 165-166]. В тоже время, предложенное Т.Б. Басовой определение объекта халатности, не в полной мере отражает совокупность всех общественных отношений, которые претерпевают ущерб при совершении рассматриваемых преступлений, является слишком узким. В качестве объекта преступления благо может выступать только в тех случаях, когда оно, во-первых, выражается в социально полезном общественном отношении, во-вторых, является объектом социально-полезного общественного отношения. Преступное поведение, приводит к нарушению социально полезного общественного отношения причиняющее вред этому благу. Особенности должностных преступлений необходимо учитывать при определении объекта халатности. Это деяния, посягающие сразу на несколько общественных отношений. Круг их объектов настолько широк, что охватывает почти все правоохраняемые интересы и отношения. Многообъектность этих преступлений выражается в разнообразном характере причиняемого ими вреда. Объект халатности является сложным и состоит из ряда взаимосвязанных между собой общественных отношений. Способность преступления причинять вред сразу нескольким общественным отношениям позволяет включить в уголовное законодательство подобные сложные объекты посягательства, что обусловлено существующей неразрывной связью между наиболее ценными общественными отношениями. Не исполняя или ненадлежащим образом исполняя свои обязанностей, причиняя вред правам и законным интересам граждан, организаций, общества или государства, должностное лицо посягает на общественные отношения, содержание которых составляет законная деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления. Необходимо учитывать, взаимосвязь и взаимообусловленность общественных отношений, на которые посягает должностное лицо при совершении халатности. В уголовно-правовой литературе отмечается, что халатность - преступление беспредметное. Такой вывод можно сделать исходя из того, что наиболее распространенного понимания предмета преступления, существующего в науке уголовного права, как конкретной материальной вещи, в которой проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений (объекта преступления), и путем воздействия на которую виновный причиняет вред определенным общественным отношениям. Новоселов Г.П. отмечал, что «преступление не существует не только без объекта и субъекта, но и без предмета посягательства» [4, с. 212-213]. Предмет преступления не является необходимым признаком халатности. В целом же значение предмета преступного посягательства состоит в том, что его установление несет определенную практическую нагрузку, позволяет судить о тех изменениях, которые произошли с ним или с общественными отношениями (способствует выявлению характера и размера причиняемого преступлением ущерба), а также о механизме совершения преступления, нарушения его объекта. Именно указание на предмет преступления позволяет выявить объект преступного посягательства. Практически каждый состав преступления имеет общие признаки со смежными составами преступлений. Не вызывает затруднения процесс разграничения составов, которые либо не имеют общих признаков, либо имеют наличие небольшое число таких признаков. Сложно провести разграничение в случае большого числа смежных признаков у составов преступлений. В подобном случае наибольшие трудности в уголовно-правовой оценке связаны с недостаточно четким определением в законе

разграничительных признаков. Специальной функцией разграничения преступлений наделяется объект преступления благодаря его особенному свойству, связанному с определением ценности охраняемых уголовным законом общественных отношений. Таким образом, проведенное исследование показало, что объект юридически значим при решении многих вопросов уголовной ответственности, но его роль, к сожалению, часто недооценивают. Поэтому четкое определение объекта преступления, точное выявление критериев разграничения преступлений по его виду, детерминирует безошибочное применение уголовного законодательства.

Библиографический список:

1. Актуальные проблемы уголовного права. Учебник для магистрантов / Отв. ред. И.А. Подройкина. - М.: Проспект, 2017. – 560 с.
2. Уголовное право. Особенная часть в 2 т. Том 2: учебник для академического бакалавриата. 4-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. - М.: Юрайт, 2018. - 442 с.
3. Волженкин Б.В. Служебные преступления: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. - Волгоград, 2011. – 123 с.
4. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов /Отв. ред. И.Я. Козаченко и Г.П. Новоселов. М.: НОРМА, 2008. – 1008 с.
5. Басова Т.Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы в Российской Федерации: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. - Владивосток, 2005. – 403 с.

Гончарова Юлия Игоревна
Goncharova Julia Igorevna

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Петкова Виктория Викторовна
Petkova Victoria Viktorovna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ПОБОИ И ИСТЯЗАНИЯ В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

BEATINGS AND TORTURES IN THE STRUCTURE OF RUSSIAN CRIME

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы насильственной преступности в стране, выделяются ее криминологические особенности. Констатируется, что в структуре насильственной преступности значительную долю занимают такие преступления, как побои и истязания.

Annotation: The article deals with the problems of violent crime in the country, highlights its criminological features. It is stated that in the structure of violent crime, a significant share is occupied by such crimes as beatings and torture.

Ключевые слова: насильственная преступность, побои и истязания в структуре преступности, латентность побоев и истязаний, ответственность.

Keywords: violent crime, beatings and torture in crime structure, latency of beatings and torture, responsibility.

В свое время известный российский криминолог В.Н. Кудрявцев отмечал, что преступность на протяжении многих веков представлена тремя основными группами преступлений, а именно преступлениями против собственности, преступлениями против личности и против государственной власти [1, С. 15]. Преступления против личности, представляющие повышенную общественную опасность в силу того, что посягают на самые дорогие блага, жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, достаточно распространены, о чем свидетельствует и официальная уголовно-правовая статистика.

Преступления против личности, или, как их еще называют, насильственная преступность, достаточно распространенное негативное социальное явление. Анализ литературных источников, официальных статистических данных позволяет выделить следующие характерные черты насильственной преступности: - насильственная преступность, особенно незначительные посягательства на здоровье граждан, обладает достаточно высоким уровнем латентности; - наиболее распространена насильственная преступность в городской местности; - по месту совершения преступлений данную преступность можно определить как преимущественно «домашнюю», то есть семейно-бытовую; - насильственные преступления чаще всего совершаются в вечернее и ночное время; - повышение активности в совершении этих преступлений наблюдается в осенне-зимний период; - существенная детерминирующая роль в механизме совершения насильственных преступлений принадлежит алкоголю, при этом с уменьшением тяжести преступлений увеличивается доля преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения; - насильственное поведение нередко сопровождается жестокостью, садизмом, издевательствами над жертвой, причинением ей мучений, особой дерзостью и исключительным цинизмом; - совершение насильственных преступлений нередко сопровождается применением различных видов оружия (огнестрельного, газового, холодного) и предметов (как правило, хозяйственно-бытового назначения), используемых в качестве оружия; - насильственная преступность отличается низким удельным весом групповых преступлений; - особенностью этой преступности является внезапность возникновения умысла у преступника, то есть ситуационный характер; - в последние годы фиксируется распространенность «заказных» насильственных преступлений, как правило, убийств. Таковы наиболее типичные черты современной российской насильственной преступности. Многие приведенные характеристики присущи и таким преступлениям, как побои и истязания. В структуре

насильственной преступности они занимают довольно устойчивую и значительную долю. Например, в 2017 году побои составили 23,5%, истязания - 1,2%, а в общей сложности на эти два вида преступлений приходится четверть (24,7 %) всех зарегистрированных в 2017 году насильственных преступлений в стране. Если рассматривать удельный вес побоев и истязаний в общем количестве всех зарегистрированных в стране преступлений, то он также немал. Так, в 2017 году из 2 160 063 зарегистрированных преступлений побои составили 3,8%, а истязания - 0,2%, т.е. на эти два состава пришлось 4% всех преступлений, что является существенным показателем и подчеркивает актуальность изучения и разработки мер предупреждения побоев и истязаний.

По сравнению с другими насильственными преступлениями, побои и истязания наиболее латентны, поскольку распространены в основном в семейно-бытовой сфере. Жертвы этих преступных посягательств зачастую либо боятся сообщать в правоохранительные органы о причиненном вреде, опасаясь мести со стороны своего агрессивно настроенного родственника, либо оправдывают его действия какими-либо обстоятельствами. Побои, которые совершены вне дома, лицами ранее малознакомыми или не знакомыми, латентны в силу сложностей процедуры привлечения виновного к ответственности, поскольку частный характер обвинения предполагает самостоятельный поиск преступника и сбор доказательств потерпевшим. В отсутствие административного ресурса данная процедура становится неэффективной, а насилие безнаказанным. Это подтверждается и сотрудниками органов внутренних дел. Согласно результатам исследования научного коллектива ВНИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ коэффициент латентности побоев в стране составляет 12,5, а истязаний 2,5 [3, С. 6]. Таким образом, представить реальную картину изучаемых преступлений и их тенденции, прежде всего в случаях с побоями, вряд ли возможно в силу многих перечисленных выше объективных обстоятельств. В ближайшие годы в связи с частичной декриминализацией побоев в статистике их количество, вероятно, несколько снизится. Но, полагаем, что преступники, не получив адекватной реакции со стороны государства, станут с еще большей верой в свою безнаказанность продолжать совершать все более тяжкие преступления насильственного характера. Ведь кроме непосредственного запрета применять насилие к другим людям нормы о побоях и истязаниях обладают опосредованной превенцией – защитой общества от самодетерминации преступности, т.е. от порождения преступностью новых антиобщественных актов поведения. Следовательно, составы преступлений, предусматривающие ответственность за побои, как и истязания, предупреждают совершение иных насильственных действий, способных повлечь последствия, указанные в статьях 115, 112 и 111 УК РФ, т.е. обладают двойной превенцией. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией – это нормы, устанавливающие уголовную ответственность за преступные деяния, которые обуславливают последующее совершение других преступлений. Двойной превентивный эффект указанных уголовно-правовых норм объясняется связью объектов первичного и вторичного превентивного воздействия, при которой одно преступление, предусмотренное нормой с двойной превенцией (объект первичного превентивного воздействия), выступает в качестве условия, способствующего совершению другого преступного деяния [4, С. 245]. К таким преступлениям, кроме вышеназванных побоев и истязаний, можно также отнести деяния, предусмотренные ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью), ст. 119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью), ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления), ст. 151 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий) и др. [5, С. 170]. Таким образом, привлечение виновных к уголовной ответственности за указанные преступления должно способствовать, на взгляд законодателя, а также некоторых ученых, снижению в стране других, прежде всего насильственных, преступлений [6, С. 187].

Библиографический список:

1. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. - Москва: Юристъ, 2003. - С. 15.
2. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности /Под ред. С.М. Иншакова. - Москва, 2013. - С. 143-145.
3. Шуйский А.С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Москва, 2012. - С. 6.
4. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации. Криминологический и уголовно-правовой справочник /Под ред. А.Я. Сухарева, С.И. Гирько. - Москва, 2007. - С. 245.
5. Ображиев К.В. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией //Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. - С. 170-171.

6. Шагвалиев Р.М. Некоторые проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации побоев и истязания //Актуальные проблемы экономики и права. 2010. №3 (15). - С. 187-188.

7. Курочкин В.П. Уголовно-правовая характеристика истязания //Современные научные исследования: теория, методология, практика. 2013. Т. 1. № 3 (3). - С. 166-179.

8. Дорошева А.В. Правотворческие ошибки статьи 116 «Побои» Уголовного кодекса Российской Федерации //Державинский форум. 2017. №3. - С. 29-36.

Петкова Виктория Викторовна
Petcova Victoria Viktorovna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ, СОВЕРШАЮЩИХ ПОБОИ И ИСТЯЗАНИЯ

TYOPOLOGY OF THE PERSONALITY OF CRIMINALS WHO COMMIT BEATINGS AND TORTURES

Аннотация: в статье рассматриваются основные типы личности преступников, совершающих побои и истязания. Раскрываются их особенности.

Annotation: The article deals with the problems of violent crime in the country, highlights its criminological features. It is stated that in the structure of violent crime, a significant share is occupied by such crimes as beatings and torture.

Ключевые слова: насильственная преступность, побои и истязания в структуре преступности, мотив, личность преступника, истязатель, тип личности преступника.

Keywords: violent crime, beatings and torture in the structure of crime, motive, identity of the offender, torturer, type of personality of the offender.

В криминологической науке предпринимались попытки типологизировать лиц, совершающих побои и истязания. В частности, Ю.Л. Санджиев с учетом сферы жизнедеятельности, в которой совершены побои и истязания, главного мотива посягательства выделяет следующие типы личности таких преступников: бытовой тип, в который включаются следующие подтипы: деспот, истязатель, протестный; уличный тип, в который включаются следующие подтипы: представитель неформального молодежного объединения агрессивной направленности, футбольный фанат, хулиган; служебный тип, в который включаются следующие подтипы: сотрудник правоохранительных органов, педагог; внутригрупповой тип, в который включаются следующие подтипы: «дед», применительно к армии, член учебного или трудового коллектива, глава криминального бизнеса, участник социальной группы осужденных [3, С. 10].

Полагаем, что автор приводит не сколько типологию личности преступников, совершающих побои и истязания, а их классификацию в зависимости от сфер, в которых они совершили преступления, в силу чего принять данную типологию за основу вряд ли возможно. Поэтому, исходя из цели и задач нашего исследования, мы будем использовать не все приведенные типологии, а лишь некоторые из них. Так по степени взаимодействия ситуации и личности можно выделить следующие типы преступников, совершающих в том числе побои и истязания:

1. Ситуативно-криминогенный тип - преступление им совершается под воздействием ситуации, активно создаваемой самим преступником. Изучение эмпирических материалов позволило нам прийти к выводу о том, что большинство (65%) побоев и истязаний были совершены представителями этого типа. Преступник сам инициировал свое деяние, понимал характер совершаемых им действий и сознательно стремился к результату преступления - причинению физической боли потерпевшему.
2. Ситуативный тип - преступление совершается под воздействием ситуации, возникшей не по вине этого лица. Однако такая личность активно пользуется сложившейся ситуацией, оправдывая свое противоправное поведение провокацией со стороны других лиц, либо не знает правомерных способов решения возникающих конфликтов. В нашем случае побои были реакцией преступника на виктимное поведение жертвы, и таких фактов было 15% от всех совершенных преступлений.
3. Последовательно-криминогенный тип (преступление таких лиц вытекает из их привычного стиля поведения и обуславливается стойкими антиобщественными взглядами, социальными установками и ориентациями субъекта. Ситуация совершения преступления активно создается такими лицами, их преступная деятельность является их профессией, позволяющей зарабатывать средства к существованию).

4. Случайный тип (преступление совершается под воздействием неблагоприятного стечения жизненных обстоятельств - резко провоцирующей ситуации, сильного душевного волнения, вызванного поведением потерпевшего, лицом, ранее характеризовавшимся только положительно, этот человек в других условиях никогда не решился бы на противоправный поступок.

Более рациональной для изучения преступников, совершивших побои или истязания, может быть типология Ц.А. Голумба [1, С. 46], который предложил выделить три основных типа насильственных преступников:

1. Алкоголизованный тип - это преступники, чье поведение определено личностными изменениями на почве злоупотребления алкоголем (наркотиками).
2. Психопатизированный тип - это преступники, страдающие психическими отклонениями, не исключающими вменяемости, обнаруживающие резко выраженные психопатические черты характера и другие нервно-психические расстройства.
3. Интеллектуально-ограниченный тип - это преступники, не способные и не желающие дать адекватную оценку применяемому ими к окружающим насилию.

Довольно близкой к вышеупомянутой является типология М.И. Еникеева, составленная в зависимости от мотивации преступников, совершивших побои или истязания [2, С. 311]:

- 1) Враждебный тип - это преступники, содержание действий которых составляет осознанное стремление нанести вред здоровью жертвы.
- 2) Инструментальный тип - это преступники, для которых внутреннее побуждение к деятельности связано с удовлетворением иных, чем осознанное причинение вреда здоровью жертвы, потребностей. Инструментальные мотивы состоят из нескольких групп: корыстные; мотивы утверждения и самоутверждения; мотивы сохранения семьи; ревность; оборонительные мотивы. При совершении побоев или истязаний в семье преступник, как мы уже выяснили ранее, может руководствоваться несколькими мотивами, причем одновременно могут представляться как враждебные, так и инструментальные мотивы.

С учетом того, что на практике выделение вышеперечисленных типов личности преступников, совершающих побои и истязания, является достаточно сложным, так как они выделены, в-первую очередь, по субъективным, то есть личностным, присущим конкретным преступникам, порой «невидимым» другим лицам основаниям, полагаем целесообразным предложить другое основание для типологии рассматриваемых преступников. В качестве такого основания можно выделить роль преступника в его конфликте с потерпевшим, в частности, сам преступник создавал и провоцировал конфликт или же он действовал в условиях конфликта, напротив, созданного потерпевшим или иными лицами. В силу этого считаем возможным выделить следующие типы личности преступников, совершающих побои и истязания: «постоянно-конфликтный», «ситуационно-конфликтный», «случайно-конфликтный».

К первому типу личности можно отнести преступников, которые были ранее судимы, злоупотребляли спиртными напитками, систематически конфликтовали с другими лицами и лицами, в отношении которых они совершили побои или истязания. Это наиболее опасные представители из числа лиц, совершивших указанные преступления, внутренне готовые к противоправному поведению. Совершенное преступление является для них закономерным результатом предшествующей жизни.

Ко второму типу следует относить преступников, которые впервые совершили преступление, в том числе в условиях ситуации, созданной потерпевшим, конфликтной ситуации, которой они могли избежать или разрешить, не нарушая уголовный закон, но выбрали наиболее простой и доступный, на их взгляд, способ решения - применение насилия.

К третьему типу можно отнести лиц, ранее характеризующихся только положительно, ведущих законопослушный образ жизни, не создающих конфликтов с потерпевшим. Решающую роль в совершении ими преступления, прежде всего побоев, сыграла ситуация, выразившаяся в неправомерном, остро провоцирующем поведении жертвы преступления.

Полагаем, что приведенная типология может быть использована в работе правоохранительных органов и иных структур, в частности оказывающих психологическую помощь гражданам, для предупреждения изучаемых преступлений.

Библиографический список:

1. Голумб Ц.А. Совершенствование юридических механизмов борьбы с преступностью. - Владивосток, 1976. - С. 46.
2. Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: учебник. - М., 1996. -С. 311.
3. Санджиев Ю.Л. Побои и истязания в системе преступлений против здоровья: криминологическая характеристика и предупреждение: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 2011. - С. 10.

Яковлев Александр Владиславович
Yakovlev Alexander Vladislavovich

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Рябухин Владислав Владимирович
Ryabukhin Vladislav Vladimirovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

**ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ЖИЗНИ, СОВЕРШАЕМЫХ ЖЕНЩИНАМИ**

**FEATURES OF VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF CRIMES AGAINST LIFE
COMMITTED BY WOMEN**

Аннотация: В данной статье раскрыты основные направления виктимологической профилактики преступлений против жизни, совершаемых женщинами.

Annotation: This article reveals the main directions of victimological prevention of crimes against life committed by women.

Ключевые слова: виктимологическая профилактика, виктимное поведение, жертва, преступления против жизни.

Keywords: victimological prevention, victim behavior, victim, crimes against life.

В криминологической литературе упоминается немало о виктимологической профилактике преступлений против жизни, совершаемых женщинами. Ее особенность заключается в том, что она направлена на конкретных лиц, которые могут быть потерпевшими от насильственных посягательств со стороны женщин, на недопущение их виктимного поведения и на причины и условия такого поведения. Исследование показало, что жертвами изучаемых преступлений, совершаемых женщинами, чаще всего являются их супруги и сожители, либо подруги или знакомые мужчины, с которыми был конфликт, а также с которыми преступницы часто совместно употребляют спиртные напитки. Поэтому таким лицам сотрудники полиции тоже должны уделять внимание при осуществлении виктимологической профилактики.

К числу мер виктимологической профилактики, осуществляемой органами внутренних дел в целях недопущения совершения женщинами преступлений против жизни, должны, на наш взгляд, относиться:

- индивидуальные беседы с потенциальными жертвами, в ходе которых необходимо доводить до них аморальность и возможную опасность их поведения;
- принятие мер по разрешению конфликтов между гражданами;
- направление потенциальных жертв на лечение от алкоголизма или наркомании;
- оказание им помощи в трудоустройстве, так как нередко конфликты возникают из-за материальных затруднений;
- организация изготовления и распространения среди граждан памяток-предостережений о том, как вести себя в конфликтных ситуациях и не стать жертвой преступления против жизни;
- сообщение потенциальным потерпевшим телефонов дежурных частей органов внутренних дел и участковых, по которым можно обращаться в случае возникновения опасности для жизни или здоровья.

Характерно, что меры виктимологической профилактики преступлений против жизни должны осуществляться одновременно с мерами индивидуальной профилактики в отношении женщин - потенциальных преступниц, тогда эффективность профилактики преступного поведения женщин существенно возрастает. К сожалению, исследования показывают, что сотрудники правоохранительных органов мало занимаются виктимологической профилактикой. Из числа опрошенных сотрудников лишь 5,8 % отметили, что они принимают соответствующие меры, основная же масса упор делает на индивидуальную профилактику, воздействуя на потенциальных преступников и их родственников (87,2%). Такому положению вещей, на наш взгляд, способствует то, что в нормативных актах МВД РФ, регулирующих предупредительную деятельность сотрудников органов внутренних дел [1] не закреплена задача по осуществлению ими виктимологической профилактики. Поэтому полагаем, что в целях совершенствования

профилактической деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений против жизни, как и иных уголовно-наказуемых деяний, необходимо обязать сотрудников полиции заниматься виктимологической профилактикой, для чего внести соответствующие дополнения в указанные нормативные акты (в п. 2 «Основные задачи органов внутренних дел по предупреждению преступлений» Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений; в раздел IV «Обязанности участкового уполномоченного полиции». Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции; в п. 2 Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел) [2].

В следственной практике выявление женщин, совершивших преступления против жизни, в большинстве случаев проблем не вызывает, так как виновные обычно знакомы с потерпевшим, находятся с ним в каких-то родственных или иных близких отношениях, не стремятся после совершения преступления покинуть место своего жительства и скрыться от правоохранительных органов.

Трудности, на наш взгляд, связаны с быстрым, своевременном реагировании сотрудников органов внутренних дел на сообщения о начатых преступных действиях (нанесении телесных повреждений, хулиганстве, угрозах убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) и их пресечении, чтобы они не привели к наступлению смерти потерпевших. В связи с этим важная роль в пресечении указанных преступлений принадлежит, прежде всего, оперативным дежурным отделов полиции, а также передвижным нарядам патрульно-постовой службы органов внутренних дел, находящимся поблизости от мест совершения преступления, и участковым уполномоченным полиции, которые своевременно должны прибывать на место происшествия и задерживать таких лиц.

Следственный комитет и его территориальные органы также является специализированным субъектом предупреждения преступлений против жизни, совершаемых женщинами: в его компетенцию входит расследование таких преступлений. На наш взгляд, главную задачу следственных органов представляет выявление всех причин и условий, способствовавших совершению женщиной преступления против жизни, объективное исследование ее личности, установление смягчающих и отягчающих вину обстоятельств, избрание необходимой и обоснованной меры пресечения, что в итоге необходимо для вынесения судом справедливого наказания.

В большинстве случаев за совершенные преступления (убийство) суды назначают женщинам небольшие сроки лишения свободы, а за привилегированные убийства, – как правило, условное наказание или наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества. Согласно результатам опроса следователей, 73,6% из них полагают, что применяемые к таким женщинам меры вполне эффективны и обеспечивают исполнение целей уголовного наказания. Косвенно это подтверждает и то обстоятельство, что уровень рецидива преступлений среди женщин по сравнению с мужчинами невелик.

Библиографический список:

1. Инструкция о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений: утв. приказом МВД РФ от 17.01.2006 г. № 19 // Российская газета. 2006. 2 февраля.
2. Инструкция по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел: приказ МВД РФ от 15.10.2013 г. №845 //Российская газета. 2013. 12 декабря.

Рябухин Владислав Владимирович
Ryabukhin Vladislav Vladimirovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ОСОБЕННОСТИ ТИПОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИЦ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ

FEATURES OF TYPOLOGY OF THE PERSONALITY OF THE CRIMINALS COMMITTED CRIMES AGAINST LIFE

Аннотация: В данной статье рассматривается типология личности преступниц, совершающих преступления против жизни. Дается их классификация.

Annotation: This article discusses the typology of the personality of criminals who commit crimes against life. Their classification is given.

Ключевые слова: личность преступницы, тип личности преступника, женщина. Преступления против жизни.

Keywords: the personality of the criminal, the type of offender the woman. Crimes against life.

Изучение криминологической характеристики личности преступниц, посягающей на чужую жизнь, необходимо не только в теоретических целях, но и в практических, в частности, для организации правоохранительными органами предупредительной работы по преступлениям против жизни. Это обусловлено тем, как отмечала Н.Ф. Кузнецова, что именно в личности преступника лежат непосредственные причины и истоки его преступного поведения [6, С.12].

Прежде всего следует определить, что представляет собой криминологическая характеристика личности преступника. Как отмечают ученые, это «синтез черт, которые в своей совокупности характеризуют лицо, совершившее то или иное преступление, различные стороны и проявления его антиобщественного существования и жизненной практики и которые прямо или косвенно связаны с подобным антиобщественным поведением человека, обуславливают или облегчают совершение преступления либо помогают понять причины его совершения».

Личность любого преступника состоит из множества разнообразных признаков, которые в своей совокупности образуют структуру такой личности. В.В. Лунеев в своей работе приводит не менее семи различных подходов к рассмотрению структуры личности преступника [5, С.167]. Мы же, в свою очередь, присоединяемся к ученым, которые в структуре личности преступника выделяют три группы свойств и качеств личности, а именно, социально-демографические, нравственные или нравственно психологические и уголовно-правовые. Исходя из этих групп мы и будем рассматривать особенности личности женщин, совершающих преступления против жизни.

При проведении криминологического исследования личности преступника невозможно не рассмотреть проблемы типологии такой личности. Как отмечают криминологи, типология представляет собой метод научного исследования, заключающийся в расчленении систем объектов и их группировке с помощью обобщенной, идеализированной модели (типа).

Важность криминологической типологии личности преступника заключается еще и в том, что она помогает выявить причины преступного поведения, а значит, с большей эффективностью предупреждать преступления.

В криминологической литературе можно найти множество типологий личности преступника. А.И. Долгова преступников тоже делит на два типа: криминогенный и случайный. В свою очередь, криминогенный тип ею подразделяется на три подтипа: последовательно-криминальный; ситуативно-криминальный; ситуативный [3, С.363].

В.В. Лунеев по такому основанию, как мотивация преступных действий, выделяет шесть криминологически значимых типов личности преступников, а именно: 1) политический; 2) насильственный (агрессивный); 3) корыстный; 4) анархический; 5) легкомысленный (неосторожный); 6) трусливо-малодушный [5, С. 167].

Несмотря на то, что в науке существует много разнообразных типологий преступников, учеными все же наиболее часто используется типология, разработанная А.Б. Сахаровым, который по такому

основанию, как антисоциальная направленность личности, ее глубина и стойкость выделил пять типов преступников: 1) случайный, который охватывает лиц, впервые совершивших не тяжкие уголовно-наказуемые деяния, противоречащие общей социально-положительной направленности их личности; 2) ситуативный, включающий в себя лиц, впервые совершивших тяжкие преступления под воздействием неблагоприятного стечения обстоятельств и характеризующиеся до этого положительно и в быту и на производстве, во всех иных сферах; 3) неустойчивый - это лица, которые впервые совершили преступление, но ранее допускали правонарушения и аморальные поступки; 4) злостный (преступники, неоднократно совершающие уголовно-наказуемые деяния, например, лица, ранее судимые); 5) особо опасный тип. Это те преступники, которые неоднократно совершают опасные преступления, например, при особо опасном рецидиве [7, С. 39].

Данная типология и, на наш взгляд, является наиболее предпочтительной, потому что именно антиобщественная направленность личности, ее глубина и стойкость отражают степень общественной опасности того или иного преступника, показывает возможность (или не возможность) его исправления и совершения нового преступления.

Поэтому мы также полагаем возможным определить типы женщин, совершивших преступления против жизни, по глубине и стойкости антисоциальной направленности их личности, выделив среди них:

- ситуационный тип. К нему относятся лица, которые впервые совершили преступление против жизни умышленно под воздействием неблагоприятно сложившейся ситуации, созданной, прежде всего, самим потерпевшим. Это наиболее распространенный тип преступниц;

- неустойчивый тип. К нему относятся лица, которые впервые пошли на совершение преступления, но до этого вели антиобщественный образ жизни (употребляли спиртное и наркотики, занимались проституцией, допускали административные правонарушения). Совершенное им преступление против жизни явилось как бы закономерным результатом их предшествующей антиобщественной жизни;

- случайный тип. Это лица, впервые совершившие преступление против жизни по неосторожности, которые ранее характеризовались положительно, никаких правонарушений не совершали;

- злостный тип. Это женщины, ранее судимые, прежде всего за насильственные преступления, а также женщины, совершившие несколько преступлений против жизни.

Мы же, в свою очередь, предлагаем за основу типологии женщин, совершивших преступления против жизни, взять мотивы их преступных действий. Мы солидарны с известными криминологами Ю. М. Антоняном, В. Н. Кудрявцевым, В.Е. Эминовым, которые отмечают, что возможно создание типологий преступников по мотивам совершенных преступлений, поскольку мотив наиболее ярко характеризует человека, и личность такова, каковы ее мотивы [1, С. 19].

В связи с этим, на наш взгляд, можно выделить следующие типы женщин, совершивших преступления против жизни:

- обороняющийся тип, к которому относятся лица, совершившие преступления против жизни для того, чтобы защититься от неправомерных действий потерпевшего (который, например, их избивал, издевался над ними, пытался изнасиловать). Это, прежде всего, женщины, совершившие «простое» убийство, убийство при превышении пределов необходимой обороны, а также в состоянии аффекта;

- невыдержанный тип, к которому относятся женщины, не умеющие себя должным образом контролировать, сдерживать свои эмоции. Они совершили преступление, потому что потерпевший не хотел исполнять какие-то их требования, а также из хулиганских побуждений;

- непримиримый тип. К нему следует относить женщин, которые совершили преступление против жизни из-за личной ненависти к потерпевшему, мести, зависти, ревности к нему. Они не смогли примириться с нанесенной им ранее потерпевшим обидой и отомстили ему таким образом. Сюда же относятся и женщины, совершившие убийство новорожденного ребенка: они не желали мириться с тем, что стали матерью, из-за того, что беременность была незапланированной, нежелательной, потому что боялись осуждения со стороны родителей и иных родственников;

- корыстный тип. К нему относятся лица, совершившие убийство из корыстных побуждений или по найму; убийства, сопряженные с разбоем или вымогательством. К этому же типу мы относим женщин, совершивших детоубийство из-за нежелания содержать и воспитывать ребенка вследствие материальных затруднений;

- легкомысленно-безответственный тип. Он представлен лицами, совершившими причинение смерти по неосторожности вследствие легкомысленного и небрежного отношения к своим обязанностям по воспитанию детей, исполнению профессиональных обязанностей.

Приведенная типология личности женщин, совершающих преступления против жизни, на наш

взгляд, может быть востребована в практической деятельности, например, правоохранительных органов в их работе по предупреждению изучаемых преступлений, иных структур, в том числе оказывающих психологическую помощь гражданам.

Библиографический список:

1. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследование преступлений. - М.: Юристъ, 1996. - С. 19.
2. Долгова А. И., Коробейников Б.В., Кудрявцев В.Н., Панкратов В.В. Понятия советской криминологии. - М., 1985. - С. 57.
3. Долгова А.И. Криминология: учебник/ Под ред. А.И. Долговой. - М.: Норма, 2005. - С.364.
4. Криминальная мотивация /Под ред. В.Н. Кудрявцева. - М., 1986. - С. 7.
5. Криминология: учебник /Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. - М., 2009. - С. 167.
6. Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. - М., 1984. - С. 12.
7. Сахаров А. Б. Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности органов внутренних дел. - М., 1984.- С. 39.

Бойко Александр Иванович
Boyko Alexander Ivanovich

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Сетракова Марина Андреевна
Setrakova Marina Andreevna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

PROBLEMS OF PREVENTION OF RECIDIVISM

Аннотация: В статье рассматриваются проблемные вопросы связанные с эффективностью предупреждения рецидивной преступности.

Annotation: The article deals with the problematic issues related to the effectiveness of the prevention of recidivism.

Ключевые слова: рецидивист, рецидивная преступность, предупреждение, преступность.

Keywords: recidivist, recidivist crime, prevention, crime.

Ситуация с преступностью в нашей стране на протяжении последнего десятилетия остается достаточно неблагоприятным. Кризис российской уголовной политики и неадекватность мер противодействия преступности повлекли за собой целый ряд отрицательных тенденций, среди которых отмечается как абсолютный, так и относительный рост рецидивной преступности. Рецидивная преступность, обладая качественными характеристиками преступности, обладает определенными особенностями, которые влекут за собой необходимость комплексных исследований ее отдельных аспектов, выявление связей, закономерностей и тенденций изменения такого сложного и разностороннего социального явления. Ученые и практики на протяжении длительного времени обращают внимание на повышенную общественную опасность рецидивной преступности, которая обусловлена тем, что осуществление преступления лицом, которое ранее было привлечено к ответственности (т.е. более одного раза), говорит о его настойчивом стремлении продолжить преступную деятельность, игнорировании моральных и нравственных норм, отказ включаться в социально правильный образ жизни [6, С. 257].

На фоне роста профессионализма преступников проявляют себя и негативные тенденции повышения интенсивности преступной деятельности рецидивистов. Согласно официальной статистике, в 2018 г. почти каждое второе (57,8%) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления, каждое третье (32,5%) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое двадцать седьмое (3,7%) – несовершеннолетними или при их соучастии. В исследованиях отмечается, что более 41 % осужденных отбывают наказание за второе или более преступление.

Рассмотрев на примере официальные статистические отчеты и материалы конкретных криминологических исследований, можно говорить о необходимости внедрить в российское законодательство более эффективные меры для способствования снижению уровня рецидивных преступлений. Достигнуть такого результата этой сфере можно, по моему мнению, только доводить в соответствие законодательной базы для борьбы с рецидивной преступностью. Учитывая вышесказанное, наилучшим вариантом комплекса мер по усовершенствованию правового обеспечения предупреждения рецидивной преступности необходимо не только внести изменения и дополнения в уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, административное законодательства, но и принять целый ряд федеральных законов. Особенно стоит отметить, что в определенной степени неблагоприятные тенденции развития рецидивной преступности послужили результатом недоработанных изменений законодательной базы, определяющей рецидив. Криминологически необоснованной представляется реконструкция нормы о рецидиве преступлений (ст. 18 УК РФ) Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. N162-ФЗ. Ослаблена меткость репрессии и необоснованно занижена ответственность опасных и особо опасных рецидивистов, что на фоне

тотальной криминализации общества противоречит интересам общественной безопасности.

Если не учитывать, что УК РФ 1996 г. в достаточной степени усовершенствовал нормы о рецидиве преступлений, были приняты рекомендации специалистов об разграничении видов рецидива: простого, опасного и особо опасного, некоторые новшества вызывают существенные возражения. В том числе, сложно представить, для чего законодатель перенес в ст. 18 УК РФ акцент с личности преступника на совершенные им преступления. Определено, что носителем отрицательных свойств и качеств, обуславливающих неоднократное совершение преступлений, будет являться определенное лицо, а именно рецидивист. С целью нейтрализовать криминогенные свойства личности именно рецидивист претерпевает наказание, именно с рецидивистом осуществляются предупреждающие мероприятия и т.д. Использование замененного понятия «рецидивист» понятием «рецидив преступлений» целиком игнорирует это обстоятельство. Стоит отметить очевидное, что ни корректирующее, ни профилактическое воздействие на «рецидив» преступлений невозможно: объектом такого воздействия всегда будет лицо, совершившее эти преступления. Поэтому разрыв понятий «рецидивист» и «рецидив преступлений» носит надуманный характер, который затрудняет теоретическое осмысление проблем рецидивной преступности. Но существуют авторы, которые не замечают в этом особой проблемы. Бытко Ю.И. отмечает, что отказ от института особо опасного рецидивиста продиктован стремлением законодателя построить уголовное законодательство на новых концептуальных основах. Но уход от обсуждения этой проблемы не позволит ее решить. В нашей стране и ранее замалчивалась проблема рецидива. В УК РСФСР 1926 г. определение «рецидив» был исключен и заменен определением «повторно». Вплоть до середины 20 века в учебниках уголовного права о рецидиве ничего не говорилось. Отмечалось только, что в стране нет рецидива преступлений, поскольку его не может быть. Рост специального рецидива, интенсивные процессы профессионализации преступной деятельности, увеличение удельного веса пенитенциарного и постпенитенциарного рецидива являются свидетельством явного неблагополучия в сфере борьбы с профессиональной преступностью и требуют усиления репрессивной функции уголовной политики. Негативные тенденции рецидивной преступности связаны, в частности, и с проблемой регламентации поведения ранее судимых лиц после освобождения от наказания, что требует принятия соответствующего закона. Необходимость содействия таким лицам в трудовом и бытовом устройстве бесспорна и подтверждается международными правовыми актами.

Настоящая система правового регулирования и практика трудового и бытового устройства лиц, отбывших наказание, не выдерживает никакой критики и не отвечает принципам гуманизма и социальной справедливости. Согласно действующему законодательству трудовое и бытовое устройство освобожденных возложено на местные органы власти, однако порядок этой работы и ее механизм законодательно не определены. Вследствие этого выполнять данную функцию приходилось до последнего времени органам внутренних дел. В настоящее время эта задача возложена на уголовно-исполнительные инспекции Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции России (приказ Министерства юстиции РФ от 13.01.2006 № 2 «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» не совсем ясно определяет субъектов, отвечающих за трудовое устройство осужденных после их освобождения), но и они, не обладая соответствующими властными полномочиями, не имеют реальной возможности решать ее, поскольку не располагают ни жилищным фондом, ни возможностями по трудоустройству, ни финансовыми средствами для оказания материальной помощи. Другая причина, вызывающая трудности в трудоустройстве данной категории граждан, заключается в нежелании трудовых коллективов и руководителей предприятий брать на себя ответственность за «бывших экзков». И, несмотря на то, что ст. 16 Трудового кодекса РФ запрещает необоснованный отказ в приеме на работу в зависимости от пола, расы, национальности, языка, социального происхождения, имущественного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников, тем не менее в большинстве случаев нарушение данной нормы налицо. Для решения этой важной проблемы требуется создать правовую базу, обеспечивающую правовую регламентацию всего процесса социальной адаптации. Необходимость правового регулирования данного процесса обусловлена и заинтересованностью общества зафиксировать нормами права наиболее значимые

отношения, возникающие после отбытия осужденными наказания, обеспечить реализацию ими своих конституционных прав на труд, жилище, получение образования, медицинской, социальной и иной помощи. Главным нормативным правовым актом здесь должен стать закон «О социальной адаптации лиц, отбывших уголовные наказания», общесоюзный проект которого был разработан еще в 1990 г., но ликвидация союзных структур не позволила тогда реализовать эту идею. Принятие такого закона станет залогом успешного прохождения процесса социальной адаптации лицами, освобожденными из исправительных учреждений. Конечно, закон поможет только тем, кто стремится устроиться на работу и восстановить социально полезные связи на свободе.

Изложенное выше свидетельствует о необходимости поиска новых путей и направлений борьбы с современной рецидивной преступностью, блокирования и нейтрализации криминогенных факторов, что в свою очередь предопределяет необходимость получения о ней более полной, достоверной информации об изменениях ее качественных характеристик. Главное, чтобы деятельность субъектов профилактики и социальной реабилитации осужденных представляла собой непрерывный, многоаспектный и многоуровневый процесс, предполагающий применение комплекса необходимых мер, различных по содержанию, объему и механизму действия. В свою очередь, скорейшая доработка и принятие перечисленных проектов федеральных законов, а также федеральных целевых программ социальной реабилитации освободившихся из мест лишения свободы и создание условий для исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, позволят эффективно решать проблемы профилактики правонарушений данной категории лиц как во время отбывания наказания, так и в постпенитенциарный период.

Библиографический список:

1. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. - М.: Норма, 2015. - С. 230.
2. Бытко Ю.И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве: история и современность. – М.: Москва, 1998. - С. 27.
3. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. - М.: Москва, 1990. - С. 250.
4. Зелинский А.Ф. Рецидив преступлений: структура, связи, прогнозирование. – М.: Харьков, 1980. - С. 354.
5. Побегайло Э.Ф. Новый этап в развитии российского уголовного законодательства // Юрид. Мир, 1997 г. – С. 50-55.
6. Пшенникова Л.Н., Ниедре А.М., Менберг Г.Г., Казмер М.Э. Рецидивная преступность: понятие и криминологическая характеристика. Рига, 1983. - С. 256-265.

Сетракова Марина Андреевна
Setrakova Marina Andreevna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ПРОБЛЕМА РЕЦИДИВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И КРИМИНОЛОГИИ

THE PROBLEM OF RECIDIVISM IN CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Аннотация: В статье рассматриваются проблемные вопросы связанные с соотношением института рецидива преступлений в уголовном праве и криминологии.

Annotation: The article deals with the problematic issues related to the ratio of the Institute of recidivism in criminal law and criminology.

Ключевые слова: рецидивная преступность, рецидив преступлений, преступление, преступность, структура преступности, пенитенциарная система.

Keywords: recidivism, recidivism, crime, criminality, structure of crime, penitentiary system.

Динамика роста рецидивной преступности, её состояние, структура, психологические, пенитенциарные стороны рецидива, личность преступника – это совсем не исчерпывающий перечень тем научных криминологических исследований, основывающихся на официальной статистике, данные социологических опросов, наблюдение и пр. Причина рецидива преступлений после осуждения за содеянное ранее – многозначное социальное явление. Оно является социальным не только исходя из своей масштабности. Социальное значение рецидива преступлений так же заключается в том, что он является показателем социально-неблагополучным положением в обществе. Этот показатель зависит от некоторых условий: качество пенитенциарной системы и ее функционирования; качество судебной системы; отсутствие государственного внимания к проблеме ресоциализации осужденных, в том числе граждан, отбывших наказание. Это не окончательный список – безусловно, так же оказывают свое влияние и экономические, организационные проблемы, которые вынуждено решать в связи с рецидивом преступлений даже такое общество, которое действительно обеспокоено восстановлением системы социальной адаптации граждан, которые имеют судимость.

Для правильного уголовно-правового реагирования на эти феномены необходимо их отражение в Уголовном кодексе. Но и в этом случае можно найти свои подводные камни. По убеждению А.А. Пионтковского, наука уголовного права, являясь социальной по своей сути, предназначена «для защиты и охраны индивидуальных и коллективных интересов от разрушительной деятельности. Она возводит жизненные интересы общежития на степень правовых, регулирует путем норм, носящих принудительный характер, отношения людей друг к другу и к целому общежитию, намечает тот путь, по которому может и должна быть направляема, в интересах общечеловеческого счастья, деятельность каждого лица, входящего в состав общежития» [5, С. 60].

Уголовно-правовая норма должна советовать трем требованиям: социальной необходимости, политической целесообразности и правовой адекватности. Соответствуют ли данным требованиям нормы о рецидиве преступлений в настоящем Уголовном кодексе?

Нормальной в политическом отношении уголовно-правовой реакцией на рецидив как социальное явление и поведенческий феномен, несущий в себе повышенную общественную опасность по объективным социально-политическим показателям, является дифференциация ответственности при рецидиве преступлений. С этой точки зрения рецидив трактуется как форма множественности преступлений. В системном догматическом плане институт рецидива как форма множественности преступлений должен обслуживать категорию «преступление». Основанием для дифференциации ответственности при рецидиве является высокая общественная опасность преступления.

Если толковать рецидив как поведенческий феномен, выделяющийся высокой общественной опасностью по социальным показателям, также и личность преступника-рецидивиста должна толковаться как феномен, характерность которого состоит в устойчивой социальной деформации личности, в том числе может служить объективным социальным основанием для дифференциации

ответственности в любой из перечисленных выше форм. С этой точки зрения показательны нормы УК РСФСР 1960 г.: ч. 4 ст. 89 (кража, совершенная особо опасным рецидивистом); ч. 4 ст. 90 (грабеж, совершенный особо опасным рецидивистом); п. «г» ч. 2 ст. 91 (разбой, совершенный особо опасным рецидивистом); п. 1 ч. 1 ст. 53¹ (неприменение условно-досрочного освобождения от наказания и замены наказания более мягким к особо опасному рецидивисту) и др.

Если лицо совершило преступление, и ранее у него имелась судимость за однородное или тождественное преступление, то это не означает наличия в этом повторении признаков рецидива, но и не исключает его. Законодатель не связывает эти признаки с понятием «рецидив». Повышение строгости наказуемости с учетом признаков повторения преступлений не исключает и усиления наказания за счет рецидива как обстоятельства, отягчающего наказание за это же преступление. Эта логика может быть нарушена только соответствующим разъяснением Верховного Суда РФ о практике применения ст. 134 и 135 Уголовного кодекса РФ, в котором возможно поставить знак «равно» между рецидивом как обстоятельством, отягчающим наказание, и признаком совершения преступления лицом, имеющим судимость за аналогичное преступление. В данном случае повтор признаков исключается, но появляется противоречие с легальным определением рецидива.

Ограничение понятия «рецидив преступлений» формальными рамками (повторение умышленных преступлений; наличие не снятой или не погашенной судимости) не противоречит криминологическому определению лишь до тех пор, пока уголовно-правовые признаки рецидива не вступают в противоречие с его социальным значением и уголовно-политической целесообразностью, до тех пор, пока между криминологическими основаниями и уголовно-правовыми формами существует преодолимое и объяснимое расстояние. Чем больше формальных ограничений в легальном определении понятия «рецидив», тем уже сегмент отражения в уголовном праве социального значения повторений преступлений, тем больше расстояние между уголовным правом и криминологией, тем меньше связи между ними. За истекший период действия УК РФ дважды вносились изменения в признаки легального рецидива (ст. 18 УК) в направлении ограничения его понятия. Если по УК РСФСР судимости в несовершеннолетнем возрасте не учитывались при признании лица особо опасным рецидивистом, то по ст. 18 УК РФ судимости в несовершеннолетнем возрасте препятствуют образованию рецидива как формы множественности преступлений. Таким же препятствием для образования рецидива служит применение условного осуждения или отсрочки исполнения приговора (если они небыли отменены судом).

Уголовно-правовая догма продолжает трактовать рецидив как форму множественности преступлений, но его реальное уголовно-правовое значение давно не отвечает такой природе. Положения УК о рецидиве преступлений изменили свое уголовно-политическое направление и превратились в институт, обслуживающий категорию «наказание». В настоящее время они призваны реализовать функцию индивидуализации наказания. В связи с этим возникает вопрос: нужны ли существующие (и ожидаемые) формальные ограничения в определении легального рецидива, если он больше не исполняет дифференцирующей функции? С точки зрения характеристики личности в аспекте индивидуализации наказания многое из того, что необходимо для защиты прав и законных интересов личности от необоснованной объективной дифференциации ответственности (нарушения равноправия), утрачивает свое значение, более того, препятствует адекватной оценке личности деятеля. Например, судимости в несовершеннолетнем возрасте могут служить характеристике преступной карьеры; снятие судимости актом об амнистии не реабилитирует лицо, а в случае совершения им нового преступления может повлиять на выводы об устойчивости в его сознании антиобщественных установок.

Индивидуализация наказания как функция рецидива обуславливает бессмысленность законодательной дифференциации видов рецидива и правил назначения наказания при рецидиве преступлений на основании объективной законодательной оценки повышенной общественной опасности повторения преступлений, поскольку это основание действенно лишь при дифференциации ответственности и совершенно не способно решать задачи индивидуализации наказания.

По мнению В. Питецкого, при любом виде рецидива наличие смягчающих обстоятельств, указанных в ст. 61 УК, позволяет суду не учитывать положения ч. 2 этой статьи. «Буквальное толкование этого положения означает, что при наличии смягчающих обстоятельств, не указанных в ст. 61, суд не может назначить наказание менее одной третьей части от максимального предела санкции. Означает ли это в данном случае неравное правовое значение смягчающих обстоятельств,

указанных и не указанных в ст. 61 УК, но признанных судом в качестве таковых (ч. 2 ст. 61 УК)? При любом ответе на этот вопрос ясно одно: ч. 3 ст. 68 УК предоставляет суду широкие возможности для преодоления предписаний, содержащихся во второй ее части. Это ставит вообще под сомнение целесообразность существования всей данной статьи» [6, С. 26].

Представляется, что роль рецидива как обстоятельства, призванного индивидуализировать наказание, может быть реализована, если мы будем трактовать его именно как обстоятельство, отрицательно характеризующее личность. Привязка повышенной опасности рецидива не к самому повторному преступлению, а к личности преступника с неизбежностью ставит вопрос о признании рецидива признаком личности виновного, следовательно, о возможности возвращения в уголовное законодательство понятия «рецидивист». В этом направлении было бы весьма полезно обратиться к результатам криминологической разработки вопроса. Однако между криминологическими и уголовно-правовыми (бессистемными) представлениями о рецидиве преступлений образовалась пропасть, на одном крае которой криминологи продолжают плодотворные исследования рецидивной преступности и личности рецидивиста, а на другом – ученые-правоведы содрогаются от одного только слова «рецидивист» как от символа проклятого уголовно-правового прошлого.

Библиографический список:

1. Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование. – М.: Москва, 2015. – С. 156.
2. Антонян Ю.М. Психология преступления и наказания. – М.: Москва, 2000. – С. 265.
3. Дядюн К.В. Проблемы ответственности за рецидив преступлений в аспекте принципов справедливости и гуманизма // Российский судья, 2011. – С. 25–27.
4. Кобец П.Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения рецидива тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья. – М.: Москва, 2013. – С. 175.
5. Пионтковский А.А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение. – М.: Казань, 2004. – С. 60.
6. Питецкий В. Назначение наказания при рецидиве преступлений // Законность, 2004. – С. 26-27.

Голоднов Дмитрий Олегович
Golodnov Dmitriy Olegovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ВИДОВОЙ ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ

SPECIFIC OBJECT OF CRIMES IN THE SPHERE OF ILLEGAL WEAPON TRAFFICKING

Аннотация: в статье формулируется видовой объект преступлений в сфере незаконного оборота оружия.

Annotation: The article is devoted to specific object of crimes in the sphere of illegal weapon trafficking.

Ключевые слова: общественная безопасность, уголовно-правовая охрана личности, оружие.

Keywords: public safety, criminal and legal protection of the person, weapon.

Родовой и видовой объекты преступлений служат целям систематизации преступлений, необходимой для познания и деятельности правоприменителя. Они имеют большое значение для сопоставления и определения сферы и пределов регламентации различных вариантов поведения, установления пробелов и излишней детальности. В значительной степени благодаря им уголовное право выстраивается в определенную систему. В силу указанных причин следует стремиться к максимально четким и адекватным формулировкам при определении данных объектов.

Большие нарекания в этом отношении вызывает раздел IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Определение в нем родового и видового объектов крайне неудачно, что уже неоднократно подчеркивалось в литературе [1]. Прежде всего потому, что невозможно из текста закона четко определить соотношение и содержание понятий «общественная безопасность» и «общественный порядок». Кроме того, данный подход ломает прежние представления об указанных объектах преступлений. Отдельные криминалисты, рассматривая проблему общественной безопасности, избегают дачи определения этого понятия, решая вопрос путем перечисления деяний, относящихся к той или иной группе без указания их общих признаков [2].

В связи с тем, что все преступления посягают на общественную безопасность, некорректным представляется выделение из их общей совокупности преступлений собственно против общественной безопасности, что осуществлено в действующем УК РФ (раздел 9, глава 24). Мнение некоторых ученых о необходимости понимания общественной безопасности в широком и узком смысле слова представляется неудачным, так как такой подход подрывает действующую в Уголовном кодексе РФ классификацию преступлений по родовому и видовому объектам и наносит вред систематизации уголовно - правовых представлений. При таком подходе получается, что остальные преступления на безопасность не посягают либо посягают в меньшей степени.

Наибольшее число авторов при определении видового объекта данных деяний соглашается с мнением В.С. Комиссарова, которым было предложено понимание общественной безопасности в узком смысле как «состояния защищенности жизни и здоровья граждан, имущественных интересов физических и юридических лиц, общественного спокойствия и нормальной деятельности государственных и общественных институтов, а так же поддержания такого уровня этой защищенности, который является достаточным для нормального функционирования общества». [3] Анализируя эту проблему, В.С. Комиссаров справедливо считает, что общественной безопасности, как объекту, присущ комплекс отношений по защите личности, материальных ценностей, социальных институтов, окружающей среды. Посягательство на общественную безопасность неизбежно связано либо с угрозой этим благам, либо с причинением им реального вреда.

Безопасность как условие функционирования и развития общества имеет две составляющие, которые оцениваются объективным и субъективным критериями индекса безопасности:

– объективный критерий – это уровень реальной защищенности системой законодательного регулирования, организационными мерами по использованию материальных средств, реализацией этих мер правоохранительными и другими органами;

– субъективный критерий общественной безопасности как объекта уголовно-правовой охраны – часть общественной психологии, т.е. общественное спокойствие, ощущение состояния защищенности своей безопасности и безопасности других, неприкосновенности имущества, уверенность в нормальной работе государственных и общественных институтов. Очевидно, что эта вторая составляющая общественной безопасности не менее существенна, чем реальные меры ее обеспечения, поскольку отсутствие страха, паники, неуверенности – необходимое условие функционирования общества.

Проанализировав научные подходы к определению объектов исследуемых в работе преступлений, мы сделали вывод, что их видовой объект понимается слишком широко. Преступления, предусмотренные ст.ст.222-226.1 УК РФ, посягают в большей степени на установленный в государстве оборот оружия, создавая потенциальную угрозу общественной безопасности. Оценка вреда, причиняемого посредством применения оружия, осуществляется в рамках положений раздела VII «Преступления против личности» и иных составов, предусматривающих в качестве обязательного или квалифицирующего признака применение оружия. Считать в таких условиях справедливой преобладающую сегодня концепцию выделения «общественной безопасности в узком смысле» в качестве видовой объект – не вполне обоснованно. Мы полагаем, что видовым объектом данных составов являются общественные отношения по обеспечению установленного порядка оборота вооружения. Общественная безопасность в данном случае будет всегда оставаться под защитой как и в любом другом случае уголовно-правового регулирования отношений, связанных с оборотом, использованием и применением источников повышенной опасности.

Библиографический список:

1. Жевлаков Э.Н. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка в новом УК России. И Юридический бюллетень предпринимателя. -1997. - № 4. - С. 119-124.
2. Российское уголовное право. Особенная часть. Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. - М.. Юристъ, - С.227; Российское уголовное право. Особенная часть. Под ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. - Издательство «Спарк», 1998. - С. 219.
3. Комиссаров В.С. Преступления, посягающие на общие правила безопасности. М., 1997. С. 25.

Голоднов Дмитрий Олегович
Golodnov Dmitriy Olegovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ПРОФИЛАКТИКА НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ

PREVENTION OF ILLEGAL WEAPON TRAFFICKING

Аннотация: в статье анализируются меры по профилактике незаконного оборота оружия.

Annotation: The article is devoted to prevention of illegal weapon trafficking

Ключевые слова: общественная безопасность, предупреждение оборота оружия, оружие.

Keywords: public safety, prevention of weapon trafficking, weapon.

К сожалению, предупреждение и профилактика преступлений существуют в науке и практике в виде различных теоретических схем, не всегда взаимосвязанных между собой и не согласующихся с реальностью.[1] Практика борьбы с противоправными проявлениями показывает, что при определении понятия предупреждения преступности необходимо исходить из различных позиций: социально-политических, экономических, идеологических. При этом профилактика правонарушений рассматривается как социально-правовой процесс, препятствующий порождению незаконных деяний. На основании такого подхода российскими учеными было сформулировано понятие предупреждения преступности, согласно которому последнее представляет собой «сложившуюся систему воздействия на антиобщественные явления и их причинный комплекс с целью реализации в исторической перспективе тенденции постепенного снижения уровня и масштабов преступности и ликвидации ее социальных корней». [2]

Мы разделяем позицию, согласно которой меры по профилактике должны быть систематическими, планомерными, непрерывными (в отличие от предотвращения и особенно пресечения, которые реализуются, как правило, в зависимости от ситуации, а потому обычно кратковременны и быстротечны). Следовательно, предотвращение и пресечение как меры предупреждения преступлений используются в том случае, когда профилактика не дала ожидаемого результата и лицо принимает решение о совершении преступления. Пресечение преступлений как крайняя форма предупреждения заключается в своевременном обнаружении лиц, покушавшихся на преступление, в их задержании, обеспечивающем прекращение действий, направленных на окончание преступления.

Меры по предупреждению незаконного оборота оружия можно разделить на общее и специальное предупреждение.

Общее предупреждение – это система мер по устранению факторов детерминации и причинности преступности, воздействующих на все население или его группы, выделяемые по общим экономическим, социальным и иным критериям, создающие вероятность преступного поведения практически всех представителей таких социальных групп.

Общее предупреждение осуществляется уже с момента опубликования закона. Считается, что угроза уголовного наказания, заложенная в законе, оказывает предупредительное воздействие на неустойчивых граждан и одновременно воспитывает всех членов общества в духе непримиримости к преступным посягательствам. А конкретные факты наказания преступников, становясь достоянием общественности, с еще большей убедительностью ориентируют население на соблюдение и исполнение законов.

При рассмотрении сути общего предупреждения в литературе встречаются различные подходы. Некоторые ученые исходят из того, что общее предупреждение обращено ко всем гражданам, ко всем членам общества. При этом уголовное наказание является стимулом правопослушного поведения и его применение к конкретным лицам, совершившим преступление, предупреждает всех, каковы последствия нарушения уголовно-правового запрета. В то же время общее предупреждение несет и воспитательную функцию, внедряя в сознание членов общества недопустимость нарушения уголовных законов и убежденность в неотвратимости уголовной ответственности и наказания в случае совершения преступления.

На наш взгляд, при подобном расширительном толковании понятия общего предупреждения, имеет место известное смешение воспитательной и предупредительной функций уголовного закона в целом и одного из его основных институтов – наказания, в частности. Преобладающая часть членов общества не совершают преступления не потому, что определенное лицо понесло уголовное наказание за конкретное преступление, а вследствие того, что преступление противоречит их мировоззрению, убеждениям и принципам. Оно неприемлемо для них как явление, не совместимо с их отношением к жизни, благам и ценностям общества, других людей и т.п.

Сдерживающее начало в общем предупреждении обуславливается представлением таких лиц о нежелательных последствиях преступления, которые состоят в том, что за каждое преступное деяние установлена уголовная ответственность; степень строгости (наказания) определяется степенью тяжести преступления; ответственность в случае совершения преступления реальна и неотвратима.

Применительно к общему предупреждению существенное значение имеет и фактор устрашения. Для основной массы граждан устрашение не имеет мотивирующего значения, так как они не совершают преступлений в силу сознательности или других обстоятельств, вообще не связанных с уголовным запретом. Для другой части граждан устрашение имеет мотивирующее значение, так как они не совершают преступления из страха перед неблагоприятными уголовно-правовыми последствиями. Они и представляют главный объект превенции.

Известно, что устрашающий эффект наказания зависит от тех лишений, которым подвергается наказываемый. Однако дело не только в самих лишениях, но также и в том, как эти лишения воспринимаются. Степень кары и, следовательно, устрашающий эффект наказания различаются в зависимости от того, в каких условиях живут люди.

Значение общего предупреждения может меняться в связи с изменением круга деяний, признаваемых преступлениями: чем меньше среди них деяний, сурово осуждаемых государством и обществом, тем больше значение общего предупреждения. Это соотношение меняется также и под влиянием динамики преступности: чем ниже преступность, тем больше значения придается специальному предупреждению.

Таким образом, общее предупреждение незаконного оборота оружия представляет собой комплексную разработку и применение экономических, социально-культурных, правовых и организационных мер по предупреждению преступности в целом. Этот уровень предупредительной деятельности предполагает, что позитивное развитие общества, совершенствование его политических, экономических, социальных и иных институтов, устранение из жизни людей кризисных явлений, объективно могут способствовать предупреждению преступности. По нашему мнению, основными общесоциальными мерами по предупреждению исследуемой преступности являются положительные преобразования общественных отношений в сфере экономики, направленные на повышение материального благосостояния населения.

Несомненно, что общепреупредительное воздействие уголовно-правовых норм должно подкрепляться экономическими, социальными, политическими и иными мерами. Важнейшим антикриминальным фактором общесоциального характера является экономическая стабильность. Успешное развитие экономики страны всегда способствуют стабилизации и снижению преступности, в том числе незаконного оборота оружия.

В этой связи необходимо принять комплекс экономических и социальных мер, направленных на улучшение ситуации в стране. К числу первоочередных относятся:

1. Меры по сохранению рабочих мест и созданию новых. Развитие экономики будет способствовать процветанию социальной инфраструктуры, смягчит социальные последствия безработицы, увеличит благосостояние народа, предоставит возможности для удовлетворения материальных, духовных и культурных потребностей человека, следствием чего в свою очередь станет снижение напряженности в обществе.

2. Меры по организации досуга населения. Создание оптимальных условий для организации и проведения свободного времени, по мнению многих ученых, является существенным фактором, способным «снять криминогенность», особенно в среде молодежи. Отсутствие нормальных условий для проведения свободного времени и здорового досуга вынуждает молодежь для удовлетворения своих, присущих только этому возрасту, интересов, нарушать установленные запреты, так как удовлетворить их правомерными способами крайне трудно или вообще невозможно.

3. Меры политического характера, предпринимаемые по следующим основным направлениям:

– налаживание диалога с соседними и другими государствами с целью унификации норм, регулирующих оборот оружия, а также принятие законодательства о взаимодействии и сотрудничестве структур этих стран, в борьбе с незаконным оборотом оружия;

– разрешение проблем на территории южных республик страны;

– борьба с религиозным экстремизмом;

Специальное предупреждение – это система воздействия на факторы детерминации и причинности преступности, направленная на отдельные социальные группы, сферы деятельности и объекты, характеризующиеся повышенной вероятностью совершения преступлений.

Механизм специального предупреждения у разных видов наказания неодинаков. Некоторые из них устраняют саму существующую для осужденного возможность нарушения им в будущем уголовно-правового запрета: устраняют вообще (смертная казнь и пожизненное лишение свободы) или на время (лишение свободы на определенный срок, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью). Но и последние зачастую не могут сдерживать от совершения преступлений вновь.

Лишение свободы как наказание больше располагает ресурсами частного предупреждения, но они действуют в основном только во время его отбывания. В качестве меры специального предупреждения лишение свободы, как известно, имеет противоречивый характер: ставя перед собой задачу максимально приспособить человека к жизни в обществе, его отделяют, изолируют от этого общества. Желая заменить в сознании человека вредные привычки и представления правильными, его помещают в криминальную среду.

Наказания, не связанные с лишением свободы, в той или иной мере связаны с усилением социального контроля за осужденными, и это обстоятельство также служит цели частного предупреждения.

К одним из важнейших специально-профилактических мер в отношении преступлений, связанных с незаконным распространением оружия, относятся оперативно-профилактические мероприятия и рейды, проводимые органами внутренних дел. В борьбе с рассматриваемыми преступлениями они имеют большой профилактический эффект, в ходе них изымается большое количество оружия и выявляются лица, незаконно распространяющие оружие. Рейды обычно проводятся в масштабе города, области и даже всей страны. Большое значение в профилактике преступлений, связанных с незаконным распространением оружия, имеют частные определения судов, в которых уведомляется администрация соответствующих учреждений об упущениях, способствовавших совершению рассматриваемых преступлений, и соответственно предлагаются конкретные меры по их устранению. Здесь следует отметить, что по изученным делам частные определения не выносились. Однако результаты исследований, проведенных другими учеными по данной проблеме, показывают, что администрация, в отношении которого вынесено частное определение, не всегда реагирует на них должным образом.

Очевидный факт, что чем больше оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств будет бесконтрольно находиться в руках у населения, тем больше будет совершаться преступлений с их применением. Следовательно, превентивные меры по специальной профилактике преступлений должны быть направлены на изъятие предметов вооружения у населения. Для решения этой проблемы необходимо использовать все доступные средства убеждения и принуждения. В некоторых регионах нередко используют еще и формы стимулирования, заключающиеся в денежном вознаграждении лиц, добровольно сдавших незаконно хранящимися предметы вооружения.

Любые действия органов власти по пресечению незаконного оборота оружия будут малоэффективны, если не предпринять меры по пресечению поступления оружия в преступный оборот. Эта работа, по мнению автора, должна осуществляться в трех направлениях:

– совершенствование государственного контроля за предметами вооружения;

– предотвращение фактов изготовления самодельного оружия;

– уничтожение всего изъятого у населения оружия.

Библиографический список:

4. Долгова А.И. Проблемы разработки стратегии борьбы с преступностью // Преступность: стратегия борьбы. М., 1997. С. 14.

5. Аванесов Г.А. Криминология и профилактика преступлений. М., 1989. С. 220. Комиссаров В.С. Преступления, посягающие на общие правила безопасности. М., 1997. С. 25.

Марценовский Денис Александрович
Martsinovsky Denis Alexandrovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

**ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТА МОШЕННИЧЕСТВА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ЧАСТЯМИ
5-7 СТАТЬИ 159 УК РФ**

**FEATURES OF THE SUBJECT OF FRAUD PROVIDED BY PARTS 5-7 OF ARTICLE 159
OF THE CRIMINAL CODE**

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностью лиц, совершающих преступления по ч. 5-7 ст. 159 УК РФ.

Annotation: The article deals with the issues related to the peculiarity of persons committing crimes under part 5-7 of article 159 of the criminal code.

Ключевые слова: субъект преступления, предпринимательство, мошенничество, вменяемость, физическое лицо.

Keywords: the subject of the crime, business, fraud, sanity, an individual.

Одним из обязательных элементов состава преступления является субъект преступления. Данный термин в уголовном законе упоминается лишь однажды, когда речь идет об ответственности за преступление, совершенное специальным субъектом в рамках института соучастия (ч. 4 ст. 34 УК РФ), в остальных случаях в качестве синонима законодатель использует термины как «лицо», «виновный» и др.

В соответствии с уголовным законом (ст. 19 УК РФ) и учением о составе преступления субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности.

Если относительно понимания признака вменяемости в доктрине уголовного права и на практике нет существенных противоречий, то вопрос о возрасте уголовной ответственности вызывает большой научный интерес [1]. Применительно к мошенничеству, предусмотренному чч. 5-7 ст. 159 УК РФ, данный вопрос также считается дискуссионным. Прежде всего отметим, что в соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Часть 2 ст. 20 УК РФ содержит исчерпывающий перечень преступлений, совершение которых влечет уголовную ответственность при достижении несовершеннолетним возраста четырнадцати лет. В научной литературе отмечается, что в число таких преступлений включены те деяния, общественная опасность которых не только велика, но и вполне очевидна несовершеннолетнему с нормальным развитием [1]. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности не содержится в этом перечне исключений.

В теории уголовного права можно встретить мнение, согласно которому необоснованно считать субъектом предпринимательского мошенничества лицо, достигшее возраста шестнадцати лет. Так, М.В. Веремеенко заключает, что вопрос о правомерности утверждения именно этого возрастного уровня является проблемным. «Критерием в данном случае служит ст. 27 ГК РФ, регламентирующая в гражданском законодательстве институт эмансипации, согласно которому несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он с согласия родителей, усыновителей, попечителя либо при отсутствии такого согласия по решению суда занимается предпринимательской деятельностью. Это, в свою очередь, предопределяет наличие в составе мошенничества в сфере предпринимательской деятельности такого специального субъекта, как эмансипированный несовершеннолетний предприниматель» [2, С. 40].

Действительно, сейчас заниматься предпринимательской деятельностью может гражданин, признанный полностью дееспособным, и при условии, что на его деятельность не наложены судебные запреты.

Однако следует добавить, что гражданин может быть признан полностью дееспособным не только в результате процедуры эмансипации или достижения совершеннолетнего возраста, но и вступив в брак до достижения возраста 18 лет. Учитывая, что в некоторых регионах России

действуют законы, допускающие бракосочетание при достижении возраста 14 лет (например, Республика Татарстан), следует констатировать, что в таких регионах при вступлении в брак вполне возможно стать предпринимателем до достижения возраста 16 лет, тем более действующее регулятивное законодательство прямо не устанавливает возрастной ценз [3, С. 6].

В силу того, что как в теории, так и на практике особое внимание уделяется вопросам правового регулирования отношений, связанных с предпринимательской деятельностью, закономерным выглядит появление проекта федерального закона, предлагающего устранить неравенство между гражданами Российской Федерации, проживающими в разных регионах страны и имеющими различные семейные статусы, путем предоставления права заниматься предпринимательской деятельностью несовершеннолетним с 14 лет [5, С. 97].

Вместе с тем, даже если такого рода поправки к ГК РФ будут приняты, это не означает, что возраст уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности следует пересматривать.

С нашей точки зрения, решение об установлении для субъекта предпринимательского мошенничества возраста уголовной ответственности шестнадцать лет является абсолютно обоснованным. Данный вывод можно объяснить, во-первых, тем, что таким образом законодатель подчеркнул меньшую общественную опасность такого преступления, чем противоправных деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 20 УК РФ. Во-вторых, мошенничество, как преступление против собственности, не является типичной формой хищения среди подростков от четырнадцати до шестнадцати лет, чего нельзя сказать, например, о краже, грабеже и разбое.

На первый взгляд, может сложиться впечатление, что субъектом преступления, предусмотренного чч. 5-7 ст. 159 УК РФ, является любое дееспособное вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

В частности, некоторые исследователи считают, что субъект предпринимательского мошенничества общий. Однако данное утверждение верно лишь отчасти. Следует отметить, что нормы, устанавливающие уголовную ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, за относительно небольшой промежуток времени с момента их введения в УК РФ успели претерпеть ряд изменений. В связи с этим можно обозначить некоторые этапы формирования представления о круге субъектов предпринимательского мошенничества в доктрине уголовного права и в правоприменительной практике.

На первом этапе, учитывая, что статья, посвященная мошенничеству в сфере предпринимательской деятельности, была введена в УК РФ только в 2012 г., в теории уголовного права сложилась позиция, согласно которой под субъектом такого вида мошенничества следует понимать любое дееспособное лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Однако, обращая внимание на бланкетность специального состава мошенничества, правоприменительная практика начала ориентироваться на ч. 1 ст. 2 ГК РФ, в которой дается определение предпринимательской деятельности [4]. В связи с этим круг субъектов мошенничества в сфере предпринимательской деятельности был ограничен только индивидуальными предпринимателями, потому что только они, являясь физическими лицами, могут осуществлять самостоятельную, рискованную деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Руководители коммерческих и иных организаций, а также другие уполномоченные такой организацией физические лица не относились к субъектам данного вида мошенничества, т.к. они, по сути, осуществляют не предпринимательскую деятельность, а лишь административно-хозяйственные, организационно-распорядительные и иные функции в рамках хозяйствующего субъекта.

Однако Верховный Суд РФ высказал иную позицию по данному вопросу. Высший судебный орган указал, что субъектом мошенничества в сфере предпринимательской деятельности признаётся, в частности, лицо, являющееся индивидуальным предпринимателем, в случае совершения преступления в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также члены органов управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности [4].

Важно отметить, что в юридической науке и практике постоянно возникает практическая необходимость в правильном понимании критериев при определении круга субъектов,

осуществляющих предпринимательскую деятельность. Это связано с тем, что одним из способов формулирования уголовно-правовых предписаний как выражения законодательной техники выступает конструирование бланкетных диспозиций уголовного закона. Для того, чтобы уяснить содержание диспозиций такого вида, необходимо обратиться к нормативно-правовым актам других отраслей права.

Однако из содержания чч. 5-7 ст. 159 УК РФ не совсем понятно, к каким именно не уголовно-правовым актам следует обращаться? Ведь круг таких актов достаточно обширен, следовательно, не исключены различные пути для определения тех или иных бланкетных признаков противоправного деяния. На это обстоятельство справедливо было обращено внимание И.В. Шишко. Она отмечает, что отсутствие непосредственного указания на конкретные не уголовные акты затрудняет применение бланкетных норм, тем не менее такое законодательное решение рационально, т.к. включение в диспозицию бланкетной нормы УК РФ ссылки на конкретные акты иных отраслей лишило бы ее такого достоинства, как стабильность, устойчивость в условиях перманентной сменяемости последних [6, С. 59].

Таким образом, субъект предпринимательского мошенничества – специальный, его особенность заключается в том, что, наряду с признаками субъекта обычного мошенничества, он также включает в себя признаки, характеризующие специфику деятельности субъекта. Поэтому при установлении круга лиц, способных совершить данный вид мошенничества, необходимо учитывать, что рассматриваемое преступление совершается в сфере предпринимательской деятельности.

Библиографический список:

1. Бриллиантов А.В., Клепицкий И.А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. /Под ред. А.В. Бриллиантова. - М.: Проспект, 2015. Т. 1.
2. Веремеенко М.В. Субъект мошенничества в сфере предпринимательской деятельности //Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. №1 (15) - С. 40.
3. Колоколов Н.А. Преступления против собственности: комментируем новеллы УК РФ // Мировой судья. 2013. №1. - С. 6-15.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» от 19 декабря 2013г. № 41 // Российская газета. 2013. 27 декабря.
5. Смирнов Г. Конституционный суд прекратил действие нормы о «предпринимательском мошенничестве» //Уголовное право. 2015. №5. - С. 97.
6. Шишко И.В. Экономические правонарушения. Вопросы юридической оценки и ответственности. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. - С. 59.

Гончарова Юлия Игоревна
Goncharova Julia Igorevna

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Марценовский Денис Александрович
Martsinovsky Denis Alexandrovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (Ч. 5–7 СТ. 159 УК РФ): ОСОБЕННОСТИ
КВАЛИФИКАЦИИ**

**CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF FRAUD IN THE SPHERE OF
ENTREPRENEURIAL ACTIVITY (PART 5-7 OF ARTICLE 159 OF THE CRIMINAL CODE):
FEATURES OF QUALIFICATION**

Аннотация: В статье анализируются объективные и субъективные признаки мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств.

Annotation: The article analyzes the objective and subjective signs of fraud in the sphere of entrepreneurial activity, associated with deliberate non-fulfillment of contractual obligations.

Ключевые слова: мошенничество, предпринимательская сфера, бюджетные средства, индивидуальные предприниматели, преднамеренное неисполнение договорных обязательств.

Keywords: fraud, business sphere, budget funds, individual entrepreneurs, deliberate non-fulfillment of contractual obligations.

Закрепление в уголовном законодательстве новых составов преступлений (ч. 5–7 ст. 159, ст. 159.1–159.6 УК РФ), являющихся привилегированными составами для основного состава мошенничества (ч. 1–4 ст. 159 УК РФ), вызвало обоснованное возражение ученых и практических работников. Изучение структуры и динамики преступности показывает, что при одновременном снижении абсолютных показателей количества зарегистрированных преступлений доля преступлений в сфере экономики остается очень высокой. По данным исследований профессора Н.А. Лопашенко, «...очевидно превалирует в структуре преступности преступность экономическая». Сравнивая долю преступлений в сфере экономики в структуре УК РФ (20,7%) с долей реально зарегистрированных преступлений в сфере экономики (68,6%), в которых преступления против собственности составляют 97,1% [1], можно сделать вывод, что именно этот вид преступности и определяет направленность преступных посягательств в Российской Федерации. Поэтому либерализация уголовной ответственности за преступления против собственности, в частности в сфере предпринимательской деятельности, не соответствует их общественной опасности.

Проведенное нами изучение материалов доследственных проверок по ст. 159 УК РФ, по которым в возбуждении уголовного дела было отказано, показало, что следователями не всегда правильно понимаются объект и предмет преступления, поэтому возникают вопросы относительно правового статуса лиц, участвовавших в преступной схеме, необоснованно усматриваются признаки гражданско-правового деликта. В ч. 5–7 ст. 159 УК РФ сформулировано определение мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, которое является специальной нормой по отношению к основному составу мошенничества в ч. 1–4 ст. 159 УК РФ. Различия проявляются в непосредственном объекте преступления, его предмете, особенностях способа совершения преступления и его субъекте [2, с. 40–44]. Непосредственным объектом этого вида мошенничества являются отношения собственности, которые возникают в процессе осуществления специальными субъектами предпринимательской деятельности [3]. В соответствии с абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ «предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность,

направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке». Согласно примеч. 3 к ст. 159 УК РФ именно последний признак – зарегистрированность в установленном законом порядке – является криминообразующим для данного вида мошенничества. Соответственно, заключение различных хозяйственных договоров лицом, фактически (незаконно) такую деятельность осуществляющим, но не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя без образования юридического лица либо с образованием юридического лица, сопровождающееся их преднамеренным неисполнением, не подпадает под квалификацию по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, а является общей разновидностью мошенничества. Предметом могут выступать как вещи (в том числе денежные средства), так и права на имущество, как вещно-правовые, так и обязательственно-правовые, в том числе интеллектуальные, права, входящие в понятие предприятия как имущественного комплекса. Право на имущество не раз становилось предметом изучения ученых и практиков, однако единства мнений по данному вопросу достигнуто не было. Кроме установленных ГК РФ ограниченных вещных прав (право пожизненного наследуемого владения земельным участком, право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, сервитут, право хозяйственного ведения имуществом, право оперативного управления имуществом), права на имущество также определяются Земельным кодексом РФ и Жилищным кодексом РФ (право постоянного бессрочного пользования, право проживания в жилом помещении (например, на основании завещательного отказа, договора ренты с пожизненным содержанием с иждивением, договоров социального найма). До внесения изменений в ст. 159 УК РФ в части определения предмета посягательства ограниченные вещные права не признавались предметами мошенничества ни в теории, ни на практике [1]. Именно по этому признаку проводилось разграничение составов ст. 159 и 165 УК РФ. Но право на имущество не есть имущественное право в гражданско-правовом понимании.

Не относятся к вещным правам правомочия, основанные на обязательствах различного рода (аренда, безвозмездное пользование имуществом, долговые обязательства, залог и т.д.) [4, с. 76–81; 5, с. 286–291]. Однако и они могут быть предметом уголовно-правовой защиты в рамках ст. 159 УК РФ (права требования по долговым распискам, векселям, другим ценным бумагам, в том числе бездокументарным и т.п.). Об этом нам говорит и Пленум Верховного Суда РФ в п. 12 постановления от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Таким образом, в целях защиты прав и законных интересов личности, общества или государства права на имущество не следует сводить исключительно к праву собственности. При таком подходе из сферы уголовно-правовой охраны исключаются не только ограниченные вещные права, но и множество имущественных благ, например безналичные деньги, бездокументарные бумаги, виртуальные деньги, биткойны, оплаченные аккаунты в социальных сетях и т.п. [6]. Как справедливо отмечает Р.Е. Токарчук, «...различия предмета в понятии хищения должны естественным образом стереться, а под охрану должно быть поставлено само право собственности в любом виде его реализации, выдвинутом действующими экономическими отношениями, вещном или обязательственном» [7, с. 143]. В настоящий момент имущество, которое могло бы перейти собственнику или иному законному владельцу, составляет предмет ст. 165 УК РФ, а права на имущество рассматриваются как предмет ст. 159 УК РФ, как если бы само это имущество было в наличии у собственника или иного владельца. Сегодня предмет мошенничества по ст. 159 УК РФ расширен, а предмет ст. 165 УК РФ, напротив, сужен [8; 9, с. 35–40; 10, с. 15]. Кроме того, некоторые авторы указывают, что «данные преступления различаются по субъективной направленности обмана: при мошенничестве он служит средством незаконного и безвозмездного завладения чужим имуществом, а при совершении преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, – средством незаконного удержания у себя имущества, подлежащего передаче лицу, имеющему право на это имущество, благодаря чему виновный не только причиняет имущественный ущерб собственнику или владельцу, но и извлекает определенную имущественную выгоду для себя или для других лиц» [11; 12, с. 75]. Однако в силу ч. 3 ст. 20 УПК РФ следует сделать вывод, что средства бюджетов как государственного, так и муниципального уровня не могут составлять предмет данной разновидности мошенничества, т.е. государственное и муниципальное имущество [2, с. 27–31]. Хотя законодатель в УК РФ и не говорит об этом прямо, определяя стороны договоров в сфере предпринимательской деятельности как индивидуальных предпринимателей и коммерческие организации, к которым в соответствии с п. 2 ст. 50 ГК РФ могут относиться хозяйственные

товарищества и общества (например, ООО, ПАО, ЗАО), крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, государственные и муниципальные унитарные предприятия, все же из круга потерпевших от мошенничеств в сфере предпринимательской деятельности следует исключить государственные и муниципальные унитарные предприятия, государственные корпорации, государственные компании и даже хозяйственные общества с государственным (муниципальным) участием, поскольку предметом в данном случае будут выступать бюджетные средства. Особенность объективной стороны данной разновидности мошенничества заключается в дополнительной характеристике способа совершения преступления: обман или злоупотребление доверием сопряжены с преднамеренным неисполнением договорных обязательств. Таким образом, преступник создает у потерпевшего уверенность в том, что все договорные обязательства будут выполнены, в то время как (в этом и заключается обман) изначально исполнять договор намерения не было. Злоупотребление доверием с последующим обманом, как правило, выражается в заключении договоров длительного действия (например, поставки, хранения или перевозки грузов), и после добросовестного исполнения первого договора на небольшие суммы преступник, войдя в доверие потерпевшего, последующие договоры преднамеренно не исполняет. Определение ненадлежащего исполнения обязательств отсутствует как в уголовном, так и в гражданском законодательстве. Оно выводится через позитивные признаки надлежащего исполнения обязательств, установленные в ГК РФ, – это исполнение обязательства в соответствии со всеми его существенными условиями. «Неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств следует считать действия (бездействие) сторон, противоречащие нормам, указанным в ГК РФ, по исполнению обязательств конкретного вида и исключающие возможность выполнения обязанностей, предусмотренных договором, частично или в полном объеме» [13, с. 133]. От случаев преднамеренного неисполнения договоров следует отличать гражданско-правовые деликты, вызванные различными причинами (просчеты в бизнесе, изменение рыночной конъюнктуры, неисполнение своих обязательств контрагентами и т.п.). Неисполнение обязательств может быть вызвано и форс-мажорными обстоятельствами, не связанными с виновными действиями ни одной из сторон. Соответственно, состав преступления в таких случаях будет отсутствовать. Следует помнить, что в случаях, предусмотренных законом, индивидуальный предприниматель и юридическое лицо могут заниматься отдельными видами деятельности только на основании специального разрешения (лицензии), членства в саморегулируемой организации или выданного саморегулируемой организацией свидетельства о допуске к определенному виду работ (ст. 49 ГК РФ). Осуществление определенных видов деятельности прямо запрещено индивидуальным предпринимателям, так как законодательство о лицензировании предусматривает возможность выдачи лицензии на некоторые виды деятельности только юридическим лицам (например, оказание стационарной медицинской помощи, выращивание наркотикосодержащих растений, осуществление банковской, страховой деятельности и т.д.). Наличие государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица при отсутствии необходимой для их деятельности лицензии все равно образует состав данной разновидности мошенничества, так как отсутствие требуемой по закону лицензии при заключении соответствующих сделок будет свидетельствовать о наличии умысла преднамеренно не исполнять взятые на себя обязательства ввиду реальной и юридической невозможности их исполнить (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»). По законодательной конструкции состав преступления сформулирован как материальный.

Часть 5 ст. 159 УК РФ в качестве обязательного последствия предусматривает причинение ущерба в значительном размере, что в соответствии с примеч. 1 к данной статье составляет сумму не менее 10000 руб. Из этого следует, что мошенничество в сфере предпринимательской деятельности уголовно не наказуемо, если совершено на сумму менее 10000 руб. Невозможна и квалификация по ч. 1–4 ст. 159 УК РФ исходя из правила о конкуренции общей нормы и специальной, согласно которому квалификация должна осуществляться по специальной норме (ч. 3 ст. 17 УК РФ). Момент окончания преступления принципиально не отличается от общего состава мошенничества – это момент зачисления денежных средств на счета злоумышленника или подконтрольных ему структур. В соответствии со ст. 140 ГК РФ «платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов», т.е. находящиеся на счетах в банках денежные суммы могут использоваться в качестве платежного средства. Исходя из этого, можно утверждать, что «с момента зачисления денег на банковский счет лица оно получает реальную возможность

распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению, например, осуществлять расчеты от своего имени или от имени третьих лиц, не снимая денежных средств со счета, на который они были перечислены в результате мошенничества» [9, с. 35–40]. В соответствии с действующими в Российской Федерации правилами обращения валютных ценностей все расчеты между юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями должны вестись только в безналичной форме. Возможно внесение денежных средств в кассу субъекта предпринимательской деятельности с выдачей подтверждающих финансовых документов. Тогда момент окончания деяния определяется по общему для всех хищений правилу: с момента фактического завладения чужим имуществом и получения реальной возможности им распорядиться, т.е. внесения денег в кассу, получение товара и т.п. Согласно примеч. 4 к ст. 159 УК РФ преступление в сфере предпринимательской деятельности может быть совершено только специальными субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность [3]. Такими субъектами УК РФ называет индивидуальных предпринимателей и коммерческие организации. Что касается индивидуальных предпринимателей, то Верховный Суд РФ по конкретным делам придерживался и придерживается той позиции, что ими могут быть только физические лица, зарегистрированные в данном статусе в налоговых органах в установленном законом порядке и не отказавшиеся от такого статуса (или лишенные его в результате банкротства) на момент совершения преступления. Определяя второй названный УК РФ субъект – коммерческие организации, законодатель оставил правоприменителю широкое поле для деятельности. В соответствии со ст. 19 и 20 УК РФ субъектом уголовно наказуемых деяний может быть только физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16 лет, а никак не организация. Поскольку организацию представляют во взаимоотношениях определенные люди и их деятельность опосредует деятельность всей организации, то именно они и должны признаваться субъектами преступлений. Таким лицом является директор (генеральный директор, президент), имеющий право действовать от имени организации без доверенности, на основании устава [3; 15]. Аналогичное определение таких субъектов содержится в ч. 3 ст. 20 УПК РФ. Как и в любом другом хищении, субъективная сторона выражается в умышленной форме вины и корыстной цели. Как справедливо указывает Верховный Суд РФ, необходимо доказать, что умысел на мошенничество сформировался у лица до начала сделки. Это проявляется в том, что лицо знало, что не будет исполнять договорные обязательства, и заведомо не собиралось исполнять эти обязательства, преследуя цель хищения чужого имущества или приобретения прав на него. На практике встречаются трудности при определении ущерба от преступления, когда в результате мошеннических действий полученные средства зачисляются на счет коммерческой организации и в последующем не обналичиваются злоумышленником, а расходуются на нужды хозяйственной деятельности данной организации: уплату налогов, текущих платежей, выплату заработной платы себе и другим сотрудникам. Руководители организации в суде заявляют об отсутствии состава преступления, так как они лично никакого обогащения за чужой счет не получили. Однако такие доводы не должны приниматься во внимание, поскольку корысть в данном случае выражается в получении финансовой выгоды – неосновательного обогащения подконтрольной им организации, расходовании данных средств руководителями в соответствии с учредительными документами, обеспечении финансовой состоятельности подконтрольной организации. При этом злоумышленники не несут реальных расходов или получают чужое имущество без оплаты. В законодательстве встречаются специальные разновидности мошенничества, например ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации), ст. 159.5 УК РФ (мошенничество в сфере страхования). Квалификация по этим специальным разновидностям должна идти как по еще более специальным нормам УК РФ. Разграничение возможно по непосредственному объекту – конкретной разновидности предпринимательской деятельности, которой причиняется ущерб в результате мошеннических действий. Что касается применения действующей редакции данной статьи к преступлениям, совершенным до ее вступления в силу, однако выявленным только сейчас, эти вопросы должны решаться в соответствии со ст. 9 и 10 УК РФ.

Библиографический список:

1. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. - М., 2005.
2. Есаков Г. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ): проблемы применения нормы // Уголовное право. 2014. №3.

3. Веремеенко М.В. Субъект мошенничества в сфере предпринимательской деятельности //Уголовная юстиция. 2014. № 1(3).
4. Семенова Е.Г. Проблемы оборота имущественных прав, вытекающих из договора аренды //Общество и право. 2016. №2(56).
5. Семенова Е.Г. К вопросу о содержании злоупотребления гражданскими правами //Права и свободы человека в контексте развития современного государства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 2017.
6. ЦБ предложил считать биткоины цифровым товаром //Финансы. 2017. 25 мая. <http://www.rbc.ru/finances/25/05/2017/>.
7. Токарчук Р.Е. Насильственные хищения: социальная природа норм и вопросы совершенствования уголовной ответственности. М., 2012.
8. Яни П. Безналичные средства – предмет хищения? //Законность. 2002. № 1.
9. Яни П.С. Специальные виды мошенничества //Законность. 2015. №8(970).
10. Яни С.А., Яни П.С., Яни Д.П. Понимание права на имущества как предмета хищений в теории и судебной практике //Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. №3.
11. Филиппов А.В. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования автотранспортных средств: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. <http://rsl/rsl01004613507.txt/>.
12. Гасанов А.К., Щербаченко А.К., Бохан А.П. Разграничение мошенничества в сфере страхования автотранспортных средств от смежных составов преступлений //Юрист-Правоведь. 2016. № 3(76).
14. Лебедев А.Н., Диденко Ю.А. Преднамеренное неисполнение договорных обязательств как признак мошенничества, предусмотренного ст. 159.4 УК РФ //Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2015. Вып. 2(28).

Зайцева Людмила Александровна
Zaitseva Lyudmila Aleksandrovna

кандидат психологических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Саксеева Мариита Александровна
Sakaeva Marietta Alexandrovna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «РАЗВРАТНЫХ ДЕЙСТВИЙ»

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF " DEPRAVED ACTIONS»

Аннотация: В статье рассматриваются понятие и признаки развратных действий, образующих объективную сторону преступления, предусмотренного статей 135 УК РФ.

Annotation: The article deals with the concept and signs of depravity, forming the objective side of the crime under articles 135 of the criminal code.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, несовершеннолетние, развратные действия, половая неприкосновенность.

Keywords: criminal liability, crime, minors, indecent acts, sexual inviolability.

В отечественном уголовном законе отсутствует определение понятия развратных действий, не предлагается разъяснений по данному вопросу и на уровне высшей судебной инстанции РФ. Вместе с тем, как показывают результаты анализа материалов следственно-судебной практики, правоприменитель нередко испытывает довольно серьезные затруднения при квалификации развратных действий. В теории уголовного права отмечается, что сам термин «развратные действия» не является правовым понятием, поскольку принадлежит, скорее, к сфере морально-этических отношений [1, С. 315]. При этом четкое понимание данного термина не сформировано и на уровне обыденного правосознания. Так, слово «развратный» происходит от существительного «разврат», которое объясняется в толковом словаре русского языка как «половая распущенность» [2, С. 453]. Как видно, существо развратных действий сводится к распущенности в области сексуальных отношений. Однако очевидно и то, что распущенность предполагает выход за пределы сложившихся социальных норм, которые, в свою очередь, не имеют строгих границ и могут варьироваться с течением времени. Тем не менее, изложенное грамматическое толкование развратных действий свидетельствует о том, что таковые подразумевают акты поведения человека, негативно влияющие на мировоззрение другого лица в области сексуальных отношений. При этом действующее российское законодательство вполне справедливо оградило от растлевающего поведения исключительно лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста. Дети и подростки, как правило, находятся под влиянием взрослых лиц, их психика пребывает на стадии формирования и именно в этот период человек наиболее подвержен отрицательному психологическому воздействию. В то же время в контексте рассмотрения уголовно-правового запрета на развратные действия можно с уверенностью утверждать, что закон охраняет детей не от любого негативного влияния на их нравственные воззрения в сфере сексуальных отношений. Соответствующее поведение взрослых субъектов должно обладать свойством общественной опасности. И именно аспект разграничения развратных действий как криминального поведения и иного отрицательного влияния на мировоззрение лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, представляет наибольшие трудности в практике применения ст. 135 УК РФ. В науке уголовного права предпринимаются попытки определения развратных действий. Так, Г.П. Краснюк приходит к выводу, что «объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, составляют ненасильственные действия сексуального характера, исключаящие половое сношение, мужеложство или лесбиянство с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста» [3]. Тем самым автор использует метод исключения, согласно которому все иные действия сексуального характера, не обладающие признаками деяний, закрепленных ст. 131–134 УК РФ, следует относить к категории

развратных действий. По мнению А.В. Дыдо, «развратными являются сексуальные действия, состоящие в удовлетворении половой страсти виновного либо преследующие цель возбудить или удовлетворить половой инстинкт малолетнего» [4, С. 180]. Более системно подходит к вопросу определения развратных действий В.П. Коняхин, который пишет, что «это действия сексуального характера, направленные на удовлетворение половой страсти виновного лица, а также возбуждение полового желания у потерпевшего лица, и не являющиеся половым сношением, мужеложством или лесбиянством» [5, С. 16–17]. Стоит отметить, что указание на сексуальный характер развратных действий и направленность на удовлетворение полового желания виновного либо на возбуждение интереса малолетнего к сексуальным отношениям делается большинством авторов, определяющих понятие развратных действий [6, С. 118]. Анализ материалов правоприменительной практики демонстрирует, что наличие факта развратных действий констатируется в случаях демонстрации виновным своих половых органов и мастурбации в присутствии лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста. Вместе с тем, само по себе такое поведение недостаточно для признания его развратными действиями. Как рассуждает Ю.А. Островецкая, само по себе обнажение в общественном месте перед малолетними детьми, носившее характер нарушения общественного порядка, пренебрежения нормами морали, в условиях отсутствия цели удовлетворения своей половой страсти или возбуждения «полового инстинкта» малолетнего состава развратных действий не образует [7, С. 65]. А.В. Бриллиантов и Е.В. Пейсикова полагают, что развратные действия «обладают способностью оказывать развращающее влияние на лиц, в отношении которых они совершаются» [8, С. 500]. По нашему мнению, данные замечания вполне оправданны. Квалификация преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, предполагает установление факта развращения потерпевшего, т.е. совершения таких действий, которые, прежде всего, адресованы лицу, не достигшему шестнадцатилетнего возраста. Виновный демонстрирует свои половые органы, осуществляет какие-либо манипуляции с ними в условиях привлеченного к этому событию внимания конкретного потерпевшего. При этом виновный получает сексуальное удовлетворение от своих действий в сложившейся ситуации. Зачастую признаки развратных действий усматриваются в случаях прикосновения к половым органам потерпевшего, склонения потерпевшего к мастурбации в присутствии виновного. В то же время следственно-судебной практике известно и множество других вариантов проявления развратных действий. В связи с этим некоторыми авторами в теории уголовного права проводится классификация развратных действий на интеллектуальные и физические. К первым относят «проведение бесед сексуально-циничного содержания, ознакомление с порнографической литературой, воспроизведение соответствующих аудио- и видеозаписей, демонстрация иной порнопродукции (открыток, фотографий, рисунков и т.д.), подстрекательство подростков к сексуальным контактам между собой. Второй вид включает в себя прикосновения, обнажение половых органов потерпевших лиц, демонстрацию собственных половых органов (экспозиционизм), искусственное стимулирование эрогенных зон (мастурбация) либо сексуальные контакты (например, половое сношение, мужеложство, лесбиянство) в присутствии подростка» [9, С. 63]. При этом точка зрения, что развратными действиями необходимо признавать в том числе психическое воздействие на потерпевшего, является довольно распространенной [10, С. 71; 11, С. 26; 12, С. 253]. Результаты проведенного нами исследования позволяют утверждать, что физические варианты проявления развратных действий преимущественно сводятся к описанным выше деяниям. Обязательным признаком развратных действий следует признать их сексуальный характер. Виновный совершает действия, направленные на свое сексуальное удовлетворение, в том числе посредством сексуального удовлетворения потерпевшего лица. Для наличия развратных действий требуется, чтобы они совершались в присутствии их адресата и в условиях его внимания к этим действиям. Что же касается возможности совершения развратных действий путем определенных поступков, выражающихся в разговорах на сексуальные темы, демонстрации различного рода порнографических изображений и материалов, то на практике подобные ситуации при отсутствии иных физических действий встречаются крайне редко. Имеются основания полагать, что они зачастую остаются без соответствующей реакции в форме уголовного преследования ввиду преступления относительно невысокого уровня общественной опасности – так называемые интеллектуальные развратные действия. Тем не менее, подобные акты поведения с учетом их направленности на развращение потерпевшего, продолжительности, частоты могут расцениваться в качестве уголовно наказуемых развратных действий. При этом стоит учитывать, что развратные действия подразумевают контакт совершеннолетнего лица и лица, не достигшего

шестнадцатилетнего возраста. Причем такой контакт должен быть не только физическим, но и визуальным, вербальным. Кроме того, развратные действия предполагают контакт с конкретным, персонально определенным потерпевшим либо их группой. То есть, сам по себе факт распространения среди несовершеннолетних порнографической продукции не может квалифицироваться в качестве развратных действий. Подобное деяние при наличии иных необходимых признаков подлежит квалификации по ч. 2 ст. 242 УК РФ. Развратные же действия предполагают, например, совместный просмотр порнографических фильмов, их обсуждение. Таким образом, под развратными действиями следует понимать акт поведения лица, не являющийся половым сношением, мужеложством или лесбиянством, направленный на сексуальное удовлетворение виновного и (или) потерпевшего, в условиях присутствия при этом потерпевшего и его внимания к деянию виновного. При этом обязательным свойством развратных действий является их ненасильственный характер.

Библиографический список:

1. Исаев Н.А. Сексуальные преступления как объект криминологии. - СПб., 2007. - С. 315.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка /Под общ. ред. Л.И. Скворцова. - М., 2007. – С. 453.
3. Краснюк Г.П. Ненасильственные сексуальные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста: Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. – 245с.
4. Дыдо А.В. Изнасилование: проблемы уголовно-правовой квалификации: Дисс. ... канд. юрид. наук. - Владивосток, 2006. - С. 180.
5. Коняхин В.П. Развратные действия // Законность. 2008. № 12. – С. 16-27.
6. Васильченко Д.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, посягающими на нормальное половое и нравственное развитие малолетних: Дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов н/Д, 2002. – С.118.
7. Островецкая Ю.А. Развратные действия: проблемы квалификации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право», вып. 24. 2010. № 38. – С. 65.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /Под ред. А.В. Бриллиантова. - М., 2010. – С. 500.
9. Игнатов А.Н. Проблемы уголовной ответственности за преступления в области половых отношений в советском уголовном праве: Дисс. ... д-ра юрид. наук. - М., 1974. – С. 63.
10. Трофимов Н.И. Уголовно-правовая охрана духовного и физического развития несовершеннолетних. - Иркутск, 1973. – С. 71.
11. Васильченко Д.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, посягающими на нормальное половое и нравственное развитие малолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. – С. 26.
12. Авдалян А.Я. Новеллы в Уголовном кодексе РФ, связанные с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних: лакуны современного правового поля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12 (26): в 3 ч. Ч. II. – С. 253.

Саксеева Мариита Александровна
Sakaeva Marietta Alexandrovna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СОСТАВА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 135 УК РФ

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF THE STRUCTURE PROVIDED BY ART. 135 OF THE CRIMINAL CODE

Аннотация: На основе проведенного анализа различных научных исследований автором определено понятие «развратные действия», а также сформулированы рекомендации по квалификации данного состава преступления.

Annotation: On the basis of the analysis of various scientific studies, the author defined the concept of «depraved acts», and formulated recommendations for the qualification of this corpus delicti.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, несовершеннолетние, развратные действия, половая неприкосновенность.

Keywords: criminal liability, crime, minors, indecent acts, sexual inviolability.

Проблема защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в последние годы привлекает обоснованное внимание международной общественности. Исследования в этой сфере свидетельствуют о том, что дети, проживающие в различных странах мира, систематически подвергаются преступному воздействию со стороны взрослых, жестокому обращению, различным видам эксплуатации. Одним из наиболее распространенных объектов преступных посягательств со стороны взрослых является сексуальная безопасность детей и подростков [1, С. 72].

Соблюдение прав детей в повседневной практике не только отражает состояние законности и правопорядка в государстве, но и свидетельствует о приоритетах общества, уровне его нравственного развития. Все это обусловило внесение в уголовный закон последних изменений, направленных на усиление уголовной ответственности за совершение преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Общественная опасность развратных действий обусловлена несколькими факторами: нарушением телесной и духовной неприкосновенности несовершеннолетних, что угнетающе действуют на их несформированную психику и создает опасность причинения вреда здоровью; личностью преступника, которым часто является родственник или лицо, по закону обязанное иметь заботу о потерпевшем; а также высокой латентностью развратных действий; их тесной взаимосвязью с иными половыми преступлениями. Отрицательные последствия развратных действий распространяются не только на конкретного потерпевшего, но могут иметь и более отдаленные результаты, например, утрату для общества физиологически и психологически полноценного гражданина; создание возможного педофила в будущем; восприятие преступником совершения развратных действий как одного из этапов в цепочке других сексуальных посягательств на несовершеннолетних [2, С. 14].

Реформирование законодательства, предусматривающего ответственность за развратные действия, которое осуществляется в последние годы, направлено на обеспечение повышенной защиты сексуальной неприкосновенности лиц, не достигших 16 лет. Тем не менее, действующая редакция ст. 135 УК РФ все еще имеет определенные недостатки, обусловленные неточностями в отграничении развратных действий от иных деяний, направленных против сексуальной неприкосновенности несовершеннолетних.

Это обуславливает особую актуальность комплексного решения теоретических и практических проблем, возникающих при применении ст. 135 УК РФ.

Актуальность заявленной темы обозначена сложившейся правоприменительной практикой в ситуации, связанной с квалификацией преступлений по ст. 135 УК РФ. Необходимо отметить несоответствие между текстом Постановления Пленума Верховного Суда и законодательной формулировкой ст.ст. 134 и 135 УК РФ. Основная проблема прежде всего содержится в несоответствии названия и содержания диспозиции ст. 134 УК РФ, когда в названии указывается

половое сношение и иные действия сексуального характера, в то время как в диспозиции ч. 2 перечисляются мужеложство и лесбиянство и отсутствует упоминание на иные действия сексуального характера. На практике это зачастую приводит к путанице, когда развратные действия приравнивают к иным действиям сексуального характера. Однако развратные действия не являются разновидностью действий сексуального характера, так как обладают самостоятельной правовой природой, и не являются ни половым сношением, ни мужеложством или лесбиянством, ни иными действиями сексуального характера. Поэтому необоснованным является примечание к ст. 131 УК РФ, которое предписывает квалифицировать развратные действия, совершенные в отношении лиц, не достигших 12 лет по п. б ч. 4 ст. 132 УК РФ. Следует отметить, что возраст потерпевшего не может быть основанием для приравнивания одного деяния под признаки другого деяния, так как это приводит к аналогии закона, что прямо запрещается ч. 2 ст. 3 УК РФ. Нельзя приравнивать развратные действия к иным действиям сексуального характера, поскольку разграничение проводится и по объективной стороне, и по степени общественной опасности данных деяний. Развратные действия по действующему уголовному законодательству можно трактовать как физические и (или) интеллектуальные действия сексуальной направленности, не являющиеся половым сношением, мужеложством или лесбиянством, а также иными действиями сексуального характера. Диспозиция ст. 135 УК РФ предусматривает возможность совершения как физических, так и интеллектуальных развратных действий. Разграничение физических от интеллектуальных развратных действий нужно осуществлять по признаку «прикосновенности» преступника к телу потерпевшего. Физическими развратными действиями следует считать различные манипуляции с телом потерпевшего за исключением действий:

1. осуществляемых путем «сексуального проникновения»;
2. представляющих собой имитацию полового акта.

К интеллектуальным развратным действиям следует относить любые вербальные или конклюдентные бесконтактные действия, не затрагивающие тело потерпевшего.

Еще одним важным моментом является проблема квалификации развратных действий, совершенных с применением насилия. Действующая редакция ст. 135 УК РФ не позволяет верно оценивать такие действия как удержание, связывание, игнорирование чужой воли и т.д. Зафиксированный в диспозиции ст. 135 УК РФ признак «без применения насилия» образует некий правовой вакуум, при котором развратные действия, совершенные с применением насилия, не могут квалифицироваться по ч. 1 ст. 135 УК РФ, поскольку этот признак имеет конститутивный характер. Целесообразно ввести в ч. 2 ст. 135 УК РФ квалифицирующий признак - совершение развратных действий с применением насилия или угрозой его применения, исключив при этом из диспозиции ст. 135 УК РФ указание на такой признак, как «без применения насилия». Это даст возможность квалифицировать указанные взаимосвязанные действия в рамках развратных действий.

В качестве критерия, позволяющего отграничить развратные действия от составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 131, 132, 133 и 134 УК РФ, необходимо признать объективную сторону данных преступлений. В случае полового сношения или иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет, произведенных в присутствии других малолетних лиц, нужно квалифицировать содеянное по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 134, 135 УК РФ.

Хотелось бы обратить внимание на проблему построения системы отягчающих обстоятельств в рамках главы 18 УК РФ. Необходимо видоизменить порядок закрепления квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков в ч. 2 и ч. 4 ст. 135 УК РФ. Помещение квалифицирующего признака, устанавливающего уголовную ответственность за совершение развратных действий в отношении малолетнего потерпевшего, в ч. 2 ст. 135 УК РФ, в то время как способ совершения развратных действий группой лиц по предварительному сговору или организованной группой размещен в ч. 4 ст. 135 УК РФ, привносит путаницу в единообразие толкования и применения уголовного закона. Ситуация, когда в половине составов преступлений, закрепляющих ответственность за половые преступления (ст. ст. 131, 132 УК РФ), возраст потерпевшего вынесен в качестве особо отягчающего признака, а в другой половине этот же возраст учитывается как отягчающий признак, неприемлема.

В квалифицирующем признаке, предусмотренном ч. 5 ст. 135 УК РФ, речь идет о лицах, имеющих судимость и совершивших преступления против половой неприкосновенности в отношении несовершеннолетних. Учитывая понятие половой неприкосновенности и положения ст.

73 УК РФ, предлагаем пересмотреть данный квалифицирующий признак и закрепить в нем формулировку касаясь лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста. Полагаем, что в ч. 5 ст. 135 УК РФ необходимо подразумевать именно эту категорию несовершеннолетних, так как по смыслу ст. 134 УК РФ и ст. 135 УК РФ состояние половой неприкосновенности сохраняется до достижения лицом шестнадцатилетнего возраста.

Развратные действия представляют особую общественную опасность, так как преступное посягательство на половую неприкосновенность лиц, не достигших 16 лет, со стороны взрослых не может оставаться безнаказанным. Серьезность таких преступлений обусловлена нарушением телесной и духовной неприкосновенности, поскольку осуществление действий сексуального характера с несовершеннолетними угнетающе действует на их несформировавшуюся психику и создает опасность причинения вреда здоровью.

Совершение развратных действий в немалой степени обусловлено прежде всего личностью педофила, его биопсихологическими показателями, стойким влечением к детям, невозможностью переориентации преступных установок, что требует наряду с уголовно-правовыми мерами, усиления предупредительных мер [3, с. 90].

Библиографический список:

1. Пестерева Ю. С., Ганус А.Ю., Шкодунова М.В. Актуальные проблемы правовой и социальной защиты несовершеннолетних от преступлений, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность //Вестник Омской юридической академии. 2009. № 10. - С. 70-74.
2. Пестерева Ю.С., Симиненко А.Н., Шагланова А.Н. Уголовно-правовая характеристика ненасильственных половых преступлений против несовершеннолетних: учебно-практическое пособие. - Омск: Омская юридическая академия, 2012. - 100 с.
3. Пестерева Ю.С., Шагланова А.Н. Особенности мотивации лиц, совершивших развратные действия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4(55). - С. 89–93.

Овсянников Владимир Артурович
Ovsyannikov Vladimir Arturovich

кандидат социологических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Жуков Андрей Сергеевич
Zhukov Andrey Sergeevich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РЕАБИЛИТАЦИЮ НАЦИЗМА: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА

CRIMINAL LIABILITY FOR THE REHABILITATION OF NAZISM: HISTORICAL AND LEGAL GROUNDS AND CHARACTERISTICS

Аннотация: В статье рассмотрены историко-правовые основания и характеристика уголовной ответственности за реабилитацию нацизма. Раскрыто содержание ключевых понятий, используемых при конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма».

Annotation: The article deals with the historical and legal grounds and characteristics of criminal responsibility for the rehabilitation of Nazism. The content of the key concepts used in the construction of the corpus delicti under article 354.1 of the criminal code "Rehabilitation of Nazism" is disclosed.

Ключевые слова: реабилитация нацизма, фашизм, фальсификация истории, уголовная ответственность, военные преступники, памятные даты, дни воинской славы, международный военный трибунал.

Keywords: rehabilitation of Nazism, fascism, falsification of history, criminal liability, war criminals, memorable dates, days of military glory, international military Tribunal.

Право находит свое выражение не только в нормативных правовых актах, но и в совокупности проявлений юридического мышления и мировоззрения, правосознания и правовой культуры правоприменителей. Применение правовых норм является интеллектуальным процессом, в котором особенности правосознания и мировоззрения юриста, профессиональная подготовка и опыт во многом формируют результат толкования правовой нормы, квалификацию юридических фактов и отчасти предопределяют решение по делу. Принятие правильного решения правоприменителем зависит от его умения профессионально осуществить юридическое познание, убедительно и логично изложить юридическую аргументацию. В ряде ситуаций необходимость применения закона обуславливает наличие нескольких возможных вариантов решения по делу ввиду наличия правовых предписаний с относительно определенным содержанием, многозначности и сложности правового материала, оценочных и не устоявшихся в юридической практике элементов. Сказанное в полной мере следует отнести к характеристике уголовно-правовых норм, изложенных в ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма». На страницах юридической литературы широко представлена как дискуссия по данному вопросу, так и обширная критика большинства элементов состава преступления, закрепленных в рассматриваемых правовых нормах [1, с. 80–85; 2, с. 86–91; 3, с. 21–27]. Применение такого рода норм представляет сложность для практиков, имеет высокий риск допущения ошибок и привлечения невиновных лиц к уголовной ответственности. Сам же правоприменительный процесс, направленный на реализацию такого рода норм, часто сопровождается повышенным общественным резонансом [4]. В такой ситуации важно формирование четкой нравственно-правовой позиции правоприменителя по исследуемому делу, основанной на профессиональном определении замысла законодателя, отраженного в уголовно-правовой норме, посредством юридического мышления, актуализируемого правовым сознанием в контексте конкретной ситуации. В связи с этим субъект правоприменения должен иметь четкое представление об историко-правовой характеристике проблем фальсификации истории, итогов Великой Отечественной войны и реабилитации нацизма. Эти проблемы сегодня приобретают чрезвычайно

высокую актуальность, о чем красноречиво свидетельствует повышенное внимание к данным вопросам как со стороны высшего руководства Российской Федерации, так и со стороны российского научного сообщества и представителей различных общественных организаций и объединений патриотической направленности. По мнению Президента РФ В.В. Путина, попытки фальсифицировать историю Второй мировой войны направлены на то, чтобы лишить Россию статуса страны-победителя, рассорить и разделить народы, использовать исторические спекуляции в современных геополитических играх, эти попытки направлены на подрыв авторитета и силы Российской Федерации. «Иногда действительно язык не поворачивается, чтобы пересказать все эти бесстыдные выводы, наблюдения так называемые, не имеющие ничего общего с правдой. Их цель понятна – подточить силу и моральный авторитет современной России, лишить ее статуса страны-победителя со всеми вытекающими из этого международно-правовыми последствиями, разделить и рассорить народы, использовать исторические спекуляции в геополитических играх. Сегодня мы видим не только попытки, к сожалению, переиначить, исказить события той войны, но и циничную, ничем не прикрытую ложь, наглое очернительство целого поколения людей, отдавших практически все этой победе, отстоявших мир на земле», – отметил Президент на заседании оргкомитета празднования 70-летия Победы. По словам В.В. Путина, имеют место попытки «заложить в головы миллионов людей, прежде всего молодежи, совершенно опасные тенденции и извращенные представления об истории» [5]. Общей целью фальсификации российской истории в целом и истории Великой Отечественной войны в частности является стремление различных сил представить Россию новой «империей зла», в которой сильны многовековые традиции тирании и рабства, превратить ее в изгоя, изолировать от мирового сообщества, не позволить нашей стране динамично развиваться. Фальсификация истории и реабилитация нацизма направлены на лишение российского народа героического прошлого и исторической памяти.

Зачастую необоснованные попытки «переосмысления» истории Второй мировой и Великой Отечественной войн производятся путем игнорирования либо демонстративного отказа от соблюдения общепринятых принципов и методов исторических исследований, выработанных мировым научным сообществом. Для достижения цели фальсификации истории и реабилитации нацизма активно используются различные средства: создаются и продвигаются в средствах массовой коммуникации, преимущественно в социальных сетях, исторические мифы, не имеющие ничего общего с исторической истиной; производится изъятие из исторического контекста ряда спорных фактов, допускаются логические ошибки, вокруг которых выстраиваются заведомо ложные умозаключения; вводятся без надлежащего научного обоснования новые понятия и термины, призванные заретушировать научную несостоятельность продвигаемых выводов; производятся необоснованные манипуляции с историческими событиями и личностями. Создатели такого контента ориентируются преимущественно на молодежь. Интерес к этой возрастной группе связан с ее социально-психологическими особенностями, которые делают молодежь крайне уязвимой перед внешним манипулятивным воздействием. Таким путем распространяется нацистская идеология. По данным криминологических исследований, с такого рода проявлениями сталкивались в социальных сетях 56,3% респондентов, среди них 16,8% – часто, 33,9% – время от времени, 49,3% – в единичных случаях. Из числа пользователей, часто сталкивающихся с пропагандой или публичным демонстрированием нацистской атрибутики или символики при пользовании социальными сетями, 34,1% встречают виртуальные объединения людей, разделяющих идеологию нацизма. В трети случаев с подобными материалами сталкиваются подростки в возрасте 16–17 лет [6, с. 66]. В качестве основных направлений фальсификации истории России и реабилитации нацизма выделяют следующие.

1. Возложение на Советский Союз и его историческую правопреемницу – Российскую Федерацию равной с нацистской Германией ответственности за развязывание агрессивной войны в Европе при одновременном снятии вины с Великобритании, США и других западных государств за попустительство, уступки и потакания агрессору в рамках так называемой «политики умиротворения».

2. Отрицание справедливого, всенародного и освободительного характера Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

3. Непризнание решающей роли СССР в победе над фашизмом, а также попытки лишить его статуса победителя.

4. Подмена понятия «освободительная миссия» Советского Союза на понятие «оккупация»

восточноевропейских государств СССР или на «экспорт социализма» в страны Восточной и Центральной Европы.

5. Демонстрация Великой Отечественной войны как преступной и позорной, состоящей из одних неудач и поражений небоеспособной Красной Армии. Отрицание подвига советского народа – исторического, военного, нравственного, гуманистического.

6. Стремление враждебных России сил посредством фальсификации истории Великой Отечественной войны манипулировать общественным сознанием и политической ориентацией населения России, дестабилизировать обстановку, посеять рознь между народами и общественными силами, государствами, входившими в состав Советского Союза, ослабить их исторические связи, подорвать их безопасность, в том числе военную, добиться изоляции России от мирового сообщества [7].

Для достижения этих целей фальсификаторы истории используют разные формы и методы. В первую очередь современные средства массовой коммуникации. В контексте рассматриваемых проблем необходимо помнить реальные факты, которыми оперирует историческая наука, опирающаяся на принцип научной объективности:

1. Именно фашистская Германия и ее союзники развязали Вторую мировую войну.

2. СССР, наряду с другими государствами, подвергся военной агрессии со стороны стран фашистского блока.

3. Великая Отечественная война оказалась вынужденной, она носила справедливый народно-освободительный характер.

4. Вклад Советского Союза в разгром нацистской Германии и ее союзников является решающим.

5. Нацизм, фашизм, а вместе с ними и милитаризм – это агрессивное зло, которое представляет реальную угрозу человеческой цивилизации во все времена.

6. Фашизм и нацизм не подлежат какому-либо оправданию и реабилитации.

7. Именно благодаря победе союзников и, прежде всего, СССР в самой кровопролитной и ожесточенной за всю мировую историю войне были спасены от неминуемого порабощения и физического уничтожения многие народы мира, их духовная и материальная культура.

В результате общей победы стран антигитлеровской коалиции была ликвидирована опасность установления «нового нацистского порядка», несшего народам всего мира массовое истребление в концентрационных «лагерях смерти», а выжившим – жалкое существование под господством арийской расы. Поэтому закономерным явилось общемировое резкое моральное и юридическое осуждение преступной идеологии национал-социализма по отношению к другим народам и странам.

8. В послевоенное время на международной арене имели место кардинальные изменения в расстановке сил. Произошло окончательное крушение колониальных империй. Отныне был открыт путь к свободе, независимости и прогрессу стран Азии и Африки. Многими народами впервые был обретен национальный суверенитет, они стали участниками Организации Объединенных Наций. Международное право, наполнившись новым содержанием, получило колоссальный толчок в развитии. В целях недопущения масштабных конфликтов, в особенности мировых войн, были образованы принципиально новые международные организации с участием подавляющего большинства существующих государств.

Таким образом, в силу возрастающих масштабов фальсификации истории и реабилитации нацизма руководство Российской Федерации не могло себе позволить игнорировать нарастающую угрозу безопасности российскому обществу и государству. Важнейшей предупредительной мерой, направленной на активное противодействие данной угрозе, стало включение 5 мая 2014 г. в гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» Уголовного кодекса РФ новой нормы, воплощенной в ст. 354.1 «Реабилитация нацизма». Данная статья предусматривает наступление уголовной ответственности за совершение одного или нескольких деяний: отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, совершенное публично; распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенное публично; распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, совершенное публично; осквернение символов воинской славы России, совершенное публично. Устанавливая уголовную ответственность за указанные преступления,

российский законодатель желает предупредить опасную тенденцию, имеющую место в ряде европейских стран, направленную на реабилитацию военных преступников, переоценку их преступной деятельности, признанной таковой приговором Международного военного трибунала, а также преуменьшение вклада СССР в совместную победу над гитлеровской Германией и подвигов советских воинов [8]. В связи с этим представляется уместным дать краткую историко-правовую характеристику содержанию некоторых понятий, нашедших отражение в тексте ст. 354.1 УК РФ: факты, установленные приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси; деятельность СССР в годы Второй мировой войны; дни воинской славы и памятные даты России, связанные с защитой Отечества; символы воинской славы России. Дать правовую оценку многочисленным фактам преступлений, совершенных фашистами в годы Второй мировой войны, был призван проходивший в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. Международный трибунал над главными немецкими военными преступниками. Документы и материалы, исследованные в ходе Нюрнбергского процесса, дают возможность получить необходимые для юридического анализа сведения. На основании анализа текста приговора Международного военного трибунала преступными были признаны следующие действия руководства фашистской Германии: составление общего плана или заговора для совершения преступлений против мира; совершение конкретных преступлений против мира путем планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны против ряда государств (Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Франции, Югославии, Греции, СССР, США и др.); совершение военных преступлений, выраженных в нарушении законов или обычаев войны (убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных; убийства заложников; разграбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень, опустошение, не оправданное военной необходимостью); совершение преступлений против человечности (убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения; преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам) [9, с. 566]. Кроме того, приговором Международного военного трибунала преступными были признаны следующие организации: руководящий состав нацистской партии (НСДАП); государственная тайная полиция (гестапо); служба безопасности рейхсфюрера СС (СД); охранные отряды национал-социалистской рабочей партии Германии (СС) [9, с. 567]. Главными военными преступниками были признаны следующие лица: Герман Вильгельм Геринг, Рудольф Гесс, Иоахим фон Риббентроп, Вильгельм Кейтель, Эрнст Кальтенбруннер, Альфред Розенберг, Ганс Франк, Вильгельм Фрик, Юлиус Штрейхер, Вальтер Функ, Карл Денниц, Эрих Редер, Бальдур фон Ширах, Фриц Заукель, Альфред Йодль, Артур Зейсс-Инкварт, Альберт Шпеер, Константин фон Нейрат, Мартин Борман [9, с. 720–721]. Необходимо дать соответствующие пояснения о том, какие государства в период Второй мировой войны относились к европейским странам оси. Так, в октябре 1936 г. Германия и Италия заключили соглашение о военнополитическом сотрудничестве, создав так называемую ось Берлин – Рим. Через месяц между Японией и Германией был подписан Антикоминтерновский пакт, к которому через год присоединилась Италия. Образовавшийся союз под флагом борьбы с коммунизмом развернул активную подготовку к войне за новый передел мира [10, с. 658; 11, с. 370]. Завершением формирования агрессивного блока или оси Рим – Берлин – Токио принято считать подписание 27 сентября 1940 г. Берлинского пакта, также известного как Тройственный пакт. Впоследствии к данному документу присоединился ряд зависимых от Японии и Германии государств (Болгария, Венгрия, Румыния, Словакия, Югославия, Хорватия, Таиланд). Однако в широком смысле под странами оси, как правило, подразумевают все государства, которые вступили во Вторую мировую войну против стран Антигитлеровской коалиции, независимо от подписания данного пакта. Таким образом, ведущими странами европейской оси выступили Германия и Италия, а в качестве главных военных преступников в приговоре Международного военного трибунала фигурируют представители исключительно гитлеровского режима. Что касается деятельности СССР в годы Второй мировой войны, неоспоримым фактом является то, что именно Советский Союз подвергся военной агрессии со стороны фашистской Германии. Таким образом, Великая Отечественная война народов СССР против нацистской Германии и ее сателлитов, ставшая неотъемлемой и важнейшей частью Второй мировой войны, оказалась по своему характеру вынужденной, освободительной и справедливой. И именно Советскому Союзу принадлежит решающий вклад в разгром гитлеровской

Германии и ее союзников. Раскрывая содержание понятий «Дни воинской славы» и «Памятные даты России, связанные с защитой Отечества», необходимо обратиться к Федеральному закону от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России». Так, в преамбуле закона говорится: «История России богата знаменательными событиями. Во все века героизм, мужество воинов России, мощь и слава русского оружия были неотъемлемой частью величия Российского государства. Настоящий Федеральный закон устанавливает дни славы русского оружия – дни воинской славы (победные дни) России в ознаменование славных побед российских войск, которые сыграли решающую роль в истории России, и памятные даты в истории Отечества, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни государства и общества» [12].

Таким образом, в Российской Федерации установлены следующие дни воинской славы: 27 января – День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (1944 г.); 2 февраля – День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (1943 г.); 23 февраля – День защитника Отечества; 18 апреля – День победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере (Ледовое побоище, 1242 г.); 9 мая – День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (1945 г.); 7 июля – День победы русского флота над турецким флотом в Чесменском сражении (1770 г.); 10 июля – День победы русской армии под командованием Петра Первого над шведами в Полтавском сражении (1709 г.); 9 августа – День первой в российской истории морской победы русского флота под командованием Петра Первого над шведами у мыса Гангут (1714 г.); 23 августа – День разгрома советскими войсками немецкофашистских войск в Курской битве (1943 г.); 8 сентября – День Бородинского сражения русской армии под командованием М.И. Кутузова с французской армией (1812 г.); 11 сентября – День победы русской эскадры под командованием Ф.Ф. Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра (1790 г.); 21 сентября – День победы русских полков во главе с великим князем Дмитрием Донским над монголо-татарскими войсками в Куликовской битве (1380 г.); 4 ноября – День народного единства; 7 ноября – День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 г.); 1 декабря – День победы русской эскадры под командованием П.С. Нахимова над турецкой эскадрой у мыса Синоп (1853 г.); 5 декабря – День начала контрнаступления советских войск против немецко-фашистских войск в битве под Москвой (1941 г.); 24 декабря – День взятия турецкой крепости Измаил русскими войсками под командованием А.В. Суворова (1790 г.) [12]. Из четырнадцати установленных в Российской Федерации памятных дат восемь так или иначе связаны с защитой Отечества: 15 февраля – День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества; 22 июня – День памяти и скорби – день начала Великой Отечественной войны (1941 г.); 29 июня – День партизан и подпольщиков; 1 августа – День памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 гг.; 2 сентября – День окончания Второй мировой войны (1945 г.); 3 сентября – День солидарности в борьбе с терроризмом; 3 декабря – День Неизвестного Солдата; 9 декабря – День Героев Отечества [12]. Говоря о содержании понятия «Символы воинской славы России», необходимо отметить, что оно не имеет однозначного законодательного определения и является оценочным. Под подобными символами, на наш взгляд, следует понимать вещи, предметы, изображения, которые вызывают ассоциации с отвагой и военными победами России и СССР. Например, Знамя Победы, флаги воинских соединений, ордена и медали, георгиевскую ленту (как символ Победы в Великой Отечественной войне), памятники, братские захоронения, музейные комплексы и т.д. Таким образом, проведенный анализ вносит необходимую ясность в понимание замысла законодателя при создании норм, выраженных в ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма». Познание историко-правовых оснований, положенных в основу криминализации рассматриваемых деяний, а также уяснение смысла ключевых понятий, использованных при конструировании данных составов преступлений, будут способствовать принятию правоприменителем решений, соответствующих духу и букве закона.

Библиографический список:

1. Розенко С.В. Реабилитация нацизма: новые основания уголовной ответственности //Юрид. наука и правоохранительная практика. 2014. №3(29).
2. Осипов М.Ю. О некоторых проблемах использования уголовно-правовой техники на примере статьи 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» //Юрид. наука. 2014. №2.
3. Червонных Е.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных

статьей 354.1 «Реабилитация нацизма» УК РФ, и отдельные проблемы ее правоприменения //Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. №4.

4. Резник Г. Не могу понять, как юристы нашли здесь «реабилитацию нацизма». <http://www.novayagazeta.ru/society/74410.html/>.

5. Заседание Российского оргкомитета «Победа» <http://kremlin.ru/events/president/news/47867/>.

6. Соловьев В.С. Криминологическое исследование экстремистских проявлений в социальных сетях Интернета (по материалам интернет-опроса пользователей) //Юрист-Правоведь. 2016. №5(78).

7. Передел истории: заказчики и исполнители. Заявление Национальной Ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных Сил «МЕГАПИР» <http://www.vpk-news.ru/articles/23579/>.

8. URL: <http://vladprok.ru/english/node/> (дата обращения: 26.06.2016).

9. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. М., 1999. Т. 8. – 687с.

10. История России с древнейших времен до наших дней: Учеб. /Под ред. А.Н. Сахарова. - М., 2012. – 446с.

11. Всемирная история: Учеб. для вузов /Под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. - М., 1997. – 367с.

Жуков Андрей Сергеевич
Zhukov Andrey Sergeevich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

**ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЯ ТЕРМИНА «РЕАБИЛИТАЦИЯ НАЦИЗМА»
ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СТ. 354.1 УК РФ**

**FEATURES OF THE CONCEPT OF THE TERM «REHABILITATION OF NAZISM» IN
RELATION TO ARTICLE 354.1 OF THE CRIMINAL CODE**

Аннотация: Рассматриваются проблемы понятийного аппарата, которые возникают при толковании ст. 354.1 УК РФ. Особое внимание уделяется определению понятий «нацизм», его соотношения с понятием «фашизм», а также определению термина «реабилитация нацизма» применительно к ст. 354.1 УК РФ.

Annotation: The problems of the conceptual apparatus that arise in the interpretation of article 354.1 of the criminal code are considered. Particular attention is paid to the definition of "Nazism", its relationship with the concept of "fascism", as well as the definition of the term "rehabilitation of Nazism" in relation to article 354.1 of the criminal code.

Ключевые слова: нацизм, фашизм, реабилитация нацизма, реабилитация, оправдание нацизма.

Keywords: Nazism, fascism, rehabilitation of Nazism, rehabilitation, justification of Nazism.

Борьба с реабилитацией нацизма в России стала особа актуальна в силу возросшего антисоветского и русофобского настроения. Возрождение и одобрение идей нацизма представляет существенную потенциальную угрозу обществу, государству и всему мировому порядку в целом. Установив уголовную ответственность за реабилитацию нацизма, государство выразило свое отрицательное отношение к его любым проявлениям, а также попыткам пересмотра истории как действиям, направленным на одобрение и пропаганду идей нацизма. После криминализации реабилитации нацизма у правоприменителя возникает ряд проблем относительно терминологии и смысла ст. 354.1 УК РФ. Это обосновано тем, что отсутствие четкого и законодательно закрепленного понятийного аппарата приводит к двойственности понятий, заблуждениям относительно формулировки терминов, их субъективной трактовки. На сегодняшний день в доктрине уголовного права не выработано приемлемого понимания термина «нацизм», «фашизм» и, как правило, отсутствует разграничение этих понятий применительно к целям уголовного законодательства. В представлениях людей складывается ошибочное понимание указанных выше явлений, что влечет за собой и в корне неверные суждения о роли и значении каждого из них.

Таким образом, у правоприменителя возникают трудности при определении юридического смысла нормы о запрете реабилитации нацизма [1, С. 494]. Рассмотрим этимологию данного понятия, разложив его на две составные части. Исторически термин «реабилитация» берет свои корни от французского института помилования осужденного с восстановлением его прежних прав [4]. В доктрине советского уголовного права давалось следующее определение термина «реабилитация» - «восстановление в прежнем состоянии невиновного лица, которое было привлечено к уголовной ответственности необоснованно» [2]. Согласно УПК РФ реабилитация - это порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда (п. 34 ст. 5 УПК РФ)4. Учитывая вышесказанное, ряд авторов указывает на несоответствие термина «реабилитация» содержанию ст. 354.1 УК РФ, а также тому смыслу, который вкладывается в понятие «реабилитация» в юриспруденции. Эти авторы приходят к выводу, что название указанной статьи необходимо изменить на «Публичное оправдание нацизма». На наш взгляд, данная позиция оправдана, так как на сегодняшний день ст. 354.1 УК РФ - единственная в российском уголовном законодательстве, предусматривающая уголовную ответственность именно за реабилитацию. Таким образом, исходя из смысла статьи следует, что противоправные действия направлены на оправдание репутации нацизма среди населения России, которые выражаются в заявлениях о признании указанной идеологии и

практики нацизма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. Дискуссия возникает и относительно определения терминов фашизм и нацизм. Данные понятия встречаются в законодательстве, но на сегодняшний день отсутствует их законодательное определение. Это может привести, как справедливо отмечено, к двойственности трактовок и, тем самым, к латентному расширению полномочий уголовного преследования за настроения и взгляды. На сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации отсутствует определение нацизма. Согласно большому юридическому словарю, нацизм - это наиболее радикальное политическое течение, стремящееся под лозунгами борьбы за интересы коренной нации любыми средствами, вплоть до террористических, захватить власть и полностью ликвидировать оппозиционные партии.

Многие современные исследователи продолжают ставить знак равенства между фашизмом и нацизмом. Западными авторами подчеркивается, что немецкие нацисты обычно отказывались от ярлыка «фашизм»: они сами «указывали на различия между их идеологией и фашизмом».

Как справедливо отмечено, дать определение фашизму непростая задача. На сегодняшний день в мировой теории и практике нет единого понимания, что такое фашизм.

Анализируя вышесказанное, можно говорить о том, что «нацизм» - это идеология и практика, которая связана с утверждением о превосходстве расовой, национальной или этнической группы, а также о необходимости подавления, полного или частичного уничтожения низших групп как условия выживания и процветания «высшей» нации (национальности), сопровождавшаяся военной агрессией и геноцидом. Таким образом, фашизм является одним из возможных проявлений национализма, а нацизм можно обозначить как один из видов фашизма. Согласно ст. 354.1 УК РФ «реабилитация нацизма» определяется как отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично [6]. Нам представляется, что указанная формулировка недостаточно четко дала определение рассматриваемому нами понятию. На наш взгляд, удачная попытка в определении указанного термина была дана в проекте Федерального закона «О противодействии реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников». Таким образом, следует говорить о необходимости изменения наименования ст. 354.1 УК РФ на «Публичное оправдание нацизма». Под которым следует понимать восстановление в правах нацистских преступников и их пособников, публичное оправдание и распространение идеологии и практики нацизма, а также публичное отрицание фактов, одобрение преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны.

Таким образом, уголовно-правовая охрана исторической правды в Российской Федерации является относительно новой тенденцией в развитии уголовного законодательства и требует особого внимания, так как в указанных нормах применяется терминология, допускающая двойственное толкование и может в некоторой мере противоречить уголовно-правовому правилу: мысли не наказуемы. Анализируя вышеизложенное можно сделать вывод о том, что понятие реабилитации нацизма в законодательстве Российской Федерации дано не четко. На наш взгляд, необходимо на законодательном уровне закрепить понятия и определения таких терминов, как нацизм и фашизм, а также реабилитация нацизма. Определение указанных терминов поможет вникнуть в суть самой нормы и исключить двойственность понятий их толкования.

Библиографический список:

1. Егорова Н.А. Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 494–503;
2. Кусиков А. Реабилитация трудящегося при прекращении уголовного дела //Еженедельник советской юстиции. 1926. №18 <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
3. Кунин Е.И. Анализ ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» //Молодежный научный форум: Общественные и экономические науки: Электр. сб. ст. по мат. XLVIII междунар. студ. науч.-практ. конф. №8(48) [http://nauchforum.ru/archive/MNF_social/8\(48\).pdf](http://nauchforum.ru/archive/MNF_social/8(48).pdf) /.
4. Миролюбов Н.И. Реабилитация как специальный правовой институт. Казань, 1902 <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
5. Сухарев А.Я., Крутских В.Е., Сухарева А.Я. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2003. – 896с.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (в актуальной редакции) // Российская газета. 1996. 13 июня.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (в актуальной редакции) // Российская газета. 2001. 22 декабря.

Улезько Сергей Иванович

Ulezko Sergey Ivanovich

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Алпатов Андрей Михайлович

Alpatov Andrey Mikhailovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ОСОБЕННОСТИ ОТГРАНИЧЕНИЯ РАЗБОЯ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

FEATURES OF THE BORDER ROBBERY FROM THE ARMED FORMATIONS OF THE CRIME

Аннотация: в статье рассматриваются особенности квалификации разбоя от смежных составов преступлений.

Annotation: the article deals with the features of the qualification of robbery from related crimes.

Ключевые слова: разбой, преступление, состав преступления, бандитизм.

Keywords: robbery, crime, corpus delicti, banditry.

Важнейшей предпосылкой справедливого назначения наказания является правильная квалификация преступного деяния, осуществленная в полном соответствии с требованиями положения действующего УК РФ. Одно из условий правильной квалификации разбоев состоит в четком уяснении основных отличий этих посягательств от смежных составов преступлений. Смежными с разбоем составами преступлений являются бандитизм (ст. 209 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), убийство (ст. 105 УК РФ), вымогательство (ст. 163 УК РФ), хулиганство (ст. 213 УК РФ) и самоуправство (ст. 330 УК РФ).

Суды, недооценивая значения правильной квалификации, не всегда проводят необходимоеразличие между преступлениями и нередко исходя из ошибочных представлений о методах усиления борьбы с преступностью допускают применение нормативно-правового акта, имеющего более высокую санкцию, хотя совершенное преступление данным актом прямо не предусматривается [1, С. 164].

В соответствии с этим суды должны точно и неуклонно соблюдать требования уголовного законодательства, не допускать случаев неправильной квалификаций содеянного и назначения мер наказания без учета обстоятельств дела и личности виновного. Совершенное преступление должно быть квалифицировано в точном соответствии с законом, предусматривающим уголовную ответственность за это деяние, и отступления от данного требования недопустимы.

Для того чтобы правильно квалифицировать совершенное посягательство, распознать в содеянном именно тот состав преступления, который имел место в действительности, необходимо четко представлять основные различия между смежными составами преступлений.

Вопрос о разграничении понятий разбоя и бандитизма в тех случаях, когда раз бой совершается двумя или несколькими лицами с применением оружия (ст. 162 ч. 2 п. «г»). Сходство признаков разбоя и бандитизма обусловлено тем, что, как и при разбое, бандитскоенападение может быть соединено с применением в отношении потерпевших насилия, опасного для жизни и здоровья.

Однако несмотря на внешнее сходство, между этими преступлениями имеются и существенные различия. Разбой посягает на собственность и на личность. Что касается бандитизма, то его объектом являются общественная безопасность и порядок, жизнь и здоровье граждан, хотя отдельные нападения при совершении этого преступления и выражаются в посягательстве на граждан или государственные предприятия и учреждения, В силу этого бандитизм относится к числу особо тяжких преступлений.

В ст. 209 УК РФ бандитизм определяется как создание устойчивой вооруженной группы в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой).

Важнейшее первое условие разграничения понятий разбоя и бандитизма состоит в уяснении

признаков, характеризующих банду. Этими признаками являются: а) группа лиц, т. е. наличие в ней двух и более лиц, объединившихся для совместной преступной деятельности; б) устойчивый характер связи между лицами, входящими в состав банды; в) вооруженность этих лиц [3, С. 40].

Устойчивость связи между преступниками проявляется в их стремлении совершить не одно, а целый ряд преступлений.

В теории уголовного права и в судебной практике довольно широкое распространение получила точка зрения, согласно которой устойчивость преступных связей наблюдается только при многократности совершенных преступлений в течение длительного времени.

Представляется более правильной позиция тех ученых, которые не сводят понятие устойчивости только к количественному признаку, а пытаются раскрыть характер связей между соучастниками, их цели и методы преступной деятельности. Такой подход позволяет сделать вывод, что иногда устойчивые связи между преступниками могут возникнуть и в процессе подготовки одного, но очень сложного преступления (например, нападение на государственный банк). Подготовка такого преступления, состоящая в разработке плана его совершения, а также в принятии мер по сокрытию следов преступления, может привести к созданию сплоченной преступной группы.

Второе условие, которое должно приниматься во внимание при разграничении бандитизма и разбоя, связано с вооруженностью членов банды. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» [2] состав данного преступления предполагает наличие оружия хотя бы у одного из членов банды и осведомленность об этом соучастников.

Под оружием при бандитизме понимаются предметы, специально предназначенные для убийства или причинения тяжких телесных повреждений и не имеющие иного хозяйственного назначения. Наличие у преступников настоящего оружия создает большие возможности для осуществления задуманных ими преступлений и для оказания активного сопротивления органам власти в случае задержания.

Использование участниками нападения непригодного к целевому применению оружия или его макетов не может рассматриваться в качестве признака их вооруженности.

При совершении разбоев преступники также могут быть вооружены огнестрельным или холодным оружием. Однако квалификация их действий в таких случаях по статьям о разбое определяется отсутствием устойчивых связей между соучастниками. При разбое преступники, как это указано в УК РФ, могут применять помимо оружия и иные предметы, используемые в качестве оружия. В таких случаях даже при наличии устойчивой группы действия виновных не могут рассматриваться как бандитизм.

Заведомо не пригодное к использованию оружие, имеющееся в банде, не может приравниваться к оружию, а действия виновных следует квалифицировать как разбой.

Следует иметь в виду и некоторые особенности использования преступниками оружия при бандитизме и разбое.

При бандитизме достаточно наличия оружия хотя бы у одного члена банды при осведомленности об этом остальных ее участников и не требуется, чтобы данное оружие применялось в процессе нападения.

Для вооруженного разбоя, напротив, характерно не только наличие оружия, но и применение его. Различие в составах разбоя и бандитизма имеется и в моменте окончания этих преступлений. Бандитизм считается оконченным с момента организации банды независимо от того, успела она совершить нападение или нет, а для оконченного состава разбоя требуется, чтобы нападение было уже совершено.

Следует отметить, что бандитизм отличается от разбоя, совершенного группой лиц по предварительному сговору с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, следующими моментами: при бандитизме объект преступления общественная безопасность, при разбое отношения собственности; признаком банды является устойчивость, для группы лиц при разбое этот признак отсутствует; вооруженность при бандитизме означает наличие оружия хотя бы у одного члена банды, тогда как при разбое его непосредственное применение или использование; при бандитизме используется оружие, а при разбое его могут заменять другие предметы, в том числе и макеты; состав бандитизма считается

оконченным с момента создания устойчивой вооруженной группы, а разбой окончен с момента нападения с целью хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой его применения [2].

Разбой может быть соединен не только с причинением вреда здоровью потерпевшего, но и с лишением потерпевшего жизни. Следователи и судьи иногда квалифицируют разбой, сопряженный с убийством, лишь по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом, ошибочно рассматривая разбой только как отягчающее обстоятельство.

Следует иметь в виду, что при разбое у виновного может быть прямой умысел на лишение потерпевшего жизни, однако по причинам, от него не зависящим, смерть может не наступить. В этих случаях действия преступника должны быть квалифицированы не только по статье о разбое, но и как покушение на убийство по ст. 30 и 105 УК РФ.

Корыстное убийство может быть совершено не только с целью завладения или удержания имущества, но и в целях получения иной материальной выгоды. Формы материальной выгоды, к которой могут стремиться виновные, совершая убийство, весьма разнообразны.

Библиографический список:

1. Севрюков А.П. Хищение имущества. - М.: Экзамен, 2009. – С.164.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» от 17 января 1997г. №1 (в актуальной редакции) // Бюллетень Верховного суда РФ. 1997. №2.
3. Яни П. Квалификация групповых хищений в судебной практике //Законность. 2016. №1. - С. 40.

Алпатов Андрей Михайлович**Alpatov Andrey Mikhailovich**Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗБОЕВ**DETERMINANTS OF ROBBERY****Аннотация:** в статье рассматриваются основные причины и условия совершения разбоев.**Annotation:** the article discusses the main causes and conditions of robbery.**Ключевые слова:** разбой, преступление, детерминанты разбоев.**Keywords:** robbery, crime, the determinants of robbery.

Для характеристики любого вида преступлений необходимо оперировать цифровыми данными. Преступность является объектом пристального внимания, как специалистов, так и общественности. И поскольку в настоящее время данные о преступности носят открытый характер, сведения о зарегистрированных преступлениях и выявляемых преступниках дают ученым большие возможности для поиска закономерностей и особенностей различных видов и групп преступлений, факторов и обстоятельств их детерминирующих, что в конечном итоге будет способствовать поиску адекватных форм и методов воздействия на них. При этом не следует забывать то, что статистические данные преступности и фактическая преступность – это разные показатели состояния данного явления. Поэтому будет вполне справедливо использовать и анализировать данные официальной статистики с известной долей условности.

Корыстно-насильственная преступность – наиболее распространенный криминальный феномен в мире. Нередко ее доля в странах с развитой экономикой превышает 90%, а в развивающихся – 60% общего объема всей зарегистрированной преступности. По-видимому, та же пропорция сохраняется и в случае, когда речь идет о преступности в широком значении данного понятия, охватывающем и латентную ее часть.

Общественная опасность этих преступлений исключительно велика, так как в результате их совершения причиняется значительный имущественный и социально-психологический ущерб общественным отношениям.

Так, В.Н. Кудрявцев, одним из первых выделивший в общей структуре преступности две группы умышленных преступлений - корыстные и насильственные, отнёс к корыстным преступлениям все формы хищения, взяточничество, и все другие корыстные преступления, включая, например, убийство из корыстных побуждений. Обосновывая свою позицию, Кудрявцев В.Н. пишет, что при выделении этой группы преступлений "нас интересует не объект, не способ действия и не причинённый ущерб, а лишь субъективная причина преступления - мотив поведения, которым руководствуется виновный [1, С. 261].

Как уже отмечалось ранее, специфика разбоя как корыстного преступления заключается в том, что виновный при совершении этого вида преступления для достижения своей корыстной цели применяет к потерпевшему насилие, опасное для жизни или здоровья. Таким образом, разбой относится к корыстно-насильственным посягательствам против собственности. И в этом состоит не только его самостоятельность, но и повышенная общественная опасность, так как при совершении разбойного нападения вред дополнительно причиняется жизни или здоровью личности.

Основные детерминанты современных разбоев, дают основания выделить автору среди всего комплекса причин и условий, которые способствуют совершению данного вида преступления выделить основные:

- ухудшение общей социально-экономической обстановки в стране (низкий уровень жизни, безработица, демографический спад, кризис в семье);
- проблема пьянства и наркомании, отсутствие программ принудительного лечения от алкоголизма и наркомании;
- отсутствие единой программы предупреждения молодежной и подростковой преступности;
- незаконный оборот оружия;

- отсутствие у правоохранительных органов ресурсов (финансовых, технических, кадровых) для разработки и внедрения специального комплекса мер по предупреждению разбоев;
- проблема виктимологической профилактики рассматриваемого преступления (например, отсутствие таких эффективных программ, каковые применяются в зарубежной практике: «Бдительные соседи», «Соседская взаимопомощь»);
- отсутствие законов, регулирующих право граждан на вооруженную самозащиту в собственном доме.

В данном перечне проблем особое внимание привлекает проблема снижения профессионального уровня сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих расследование разбоев. Так, изучение уголовных дел показало, что профессиональная квалификация сотрудников судебно-следственных органов находится не на должном уровне. Конечно, недостатки в работе судебно-следственных органов можно объяснить их большой загруженностью, но, тем не менее, факты на лицо:

По мнению автора, значительной части осужденных преступников были назначены наказания, не соответствующие степени общественной опасности совершенного деяния.

Еще одна причина, обращающая на себя внимание, это виктимное поведение жертвы. Жертвы разбойных нападений демонстрируют все виды виктимного поведения – нейтральное, положительно и негативное. В личностно-поведенческом плане они принадлежат к различным типам жертв.

Ситуации когда жертва по разным причинам создает о себе впечатление как о человеке богатом и этим привлекает к себе внимание преступников. А также ситуации, когда жертва, имея возможность оказать сопротивление преступнику, ведет себя трусливо, не сопротивляется и тем самым объективно способствует ему.

• Виктимное поведение потерпевших от разбойных нападений - один из видов социально отклоняющегося поведения, в определенных условиях оно приобретает криминальную окраску. Преступное поведение лиц совершающих разбой и виктимное поведение потерпевших от этого вида преступлений следует рассматривать не только как статичные величины. Необходимо иметь в виду и следующее: криминализация (становление преступника) и виктимизация (становление жертвы) должны анализироваться как процессы социально-психологического взаимодействия. Преступник и его жертва фигурируют в социальных процессах возникновения деяния как статистические единицы наблюдения. Поэтому состояние преступности характеризуется не только количеством преступлений и числом лиц, их совершающих, но и количеством потерпевших от преступлений. Следует иметь в виду два понятия: состояние преступности и состояние виктимности.

Система предупреждения разбоев включает в себя различные виды и формы профилактики, однако специфику определяет сам объект воздействия. Особое значение придается специальной (специализированной) и оперативно-розыскной профилактике. Деятельность по предупреждению разбоев должна регулироваться нормами права. Необходим закон о профилактике преступлений, который защищал бы права тех, кто осуществляет профилактику, и тех, в отношении кого она осуществляется.

На уровне оперативно-розыскной профилактики разбоев конкретизируются все практические заключения и выводы. Специфика такой профилактики сводится к тому, что она персонализирована и направлена против конкретных лиц, замысляющих и готовящихся (осуществляющих подготовительные действия) совершить разбойное нападение. Ориентация оперативно-розыскной информации - предотвращение и пресечение разбоев, упреждение этих посягательств.

Библиографический список:

1. Криминология /Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Инфра-М, 2016. – 456с.
2. Криминология: Учебник для вузов /Под ред. В.Д. Малкова. - М.: ЗАО Юстицинформ, 2011. – 478с.
3. Криминология / Под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубей. – М., 2014. – 834с.
4. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. – М.: Норма, 2016. – 627с.

Коруненко Елена Юрьевна
Korunenka Elena Yurievna

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Разумовская Стелла Георгиевна
Razumovskaya Stella Georgievna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 337, 338 УК РФ

PUBLIC DANGER OF CRIMES UNDER ARTICLES 337, 338 OF THE CRIMINAL CODE

Аннотация: в статье раскрывается общественная опасность преступлений, предусмотренных статьями 337, 338 УК РФ.

Annotation: the article reveals the public danger of crimes under articles 337, 338 of the criminal code.

Ключевые слова: общественная опасность, преступление, военная служба.

Keywords: public danger, crime, military service.

Общественная опасность выражается в причинении или создании угрозы причинения ущерба охраняемым уголовным законодательством социальным ценностям. Общественная опасность преступления обуславливается совокупностью всех обязательных элементов состава преступления: объектом, субъектом, объективной и субъективной сторонами.

Указание в определении преступления против военной службы на его объект и субъект показывает специфичность именно общественной опасности этих преступлений. Поэтому в целях всестороннего раскрытия общественной опасности рассматриваемых в работе преступлений, необходимо обратиться к особенностям сферы, где они совершаются и основам ее регулирования.

Военно-уголовное законодательство России представляет собой совокупность уголовно-правовых норм, применяемых к военнослужащим, проходящим военную службу по призыву либо по контракту, а также к гражданам, пребывающим в запасе, во время прохождения ими военных сборов, в связи с совершением преступлений, а также к военным строителям, проходящим военную службу в воинских частях Министерства обороны РФ и других министерствах и ведомствах. Оно имеет своей задачей главным образом охрану военной безопасности России. Для осуществления этой задачи военно-уголовное законодательство определяет, какие нарушения порядка прохождения военной службы образуют воинские преступления, и устанавливает наказания, которые могут быть применены к лицам, виновным в их совершении. Охраняя общественные отношения в сфере обеспечения внешней безопасности государства от преступных посягательств, военно-уголовное законодательство оказывает регулирующее воздействие на порядок воинских отношений, способствует предупреждению этих преступлений, воспитанию военнослужащих в духе строгого соблюдения Конституции РФ, законов и воинских уставов, добросовестного выполнения воинского долга, уважения норм общественной морали и нравственности.

Военная служба – особый вид государственной службы, предназначенный для вооружённой защиты страны от военной агрессии. Гражданин призванный или поступивший на военную службу должен нести ее в течение установленного срока в той или иной воинской части, куда он был направлен соответствующим командованием, и в любое время быть готовым к выполнению своего воинского долга. Некоторые военнослужащие, нарушая свою конституционную обязанность, допускают уклонение от несения обязанностей военной службы путём самовольного оставления части или места службы и дезертирства. Уклонения военнослужащих от прохождения военной службы представляют серьёзную общественную опасность, поскольку ослабляют боевую готовность подразделений и воинских частей, где они проходят военную службу, в целом создают угрозу военной безопасности страны, нейтрализуют усилия государства по обеспечению должного уровня

обороноспособности России. Общественная опасность самовольного оставления части или места службы и дезертирства заключается и в отрицательном влиянии на других военнослужащих, особенно на морально неустойчивых и недисциплинированных. Совершение данных деяний нередко создает почву для совершения других преступлений или сопровождается таковыми.

В гл. 33 УК РФ предусмотрен ряд преступлений против военной службы, которые причиняют вред или создают угрозу причинения вреда иным, кроме военной безопасности государства, социальным ценностям: различным по характеру интересам личности, общества и государства, например, жизни и здоровью человека, общественному порядку, общественной безопасности. Причинение вреда этим социальным благам не является специфическим для воинских преступлений. В частности, вред здоровью потерпевшего в результате насильственных действий в отношении начальника (ст. 334 УК РФ) может быть причинен и общеуголовными преступлениями (ст.ст. 111, 112 УК РФ). Как правило, эти интересы личности, общества и государства охраняются в первую очередь в других нормах Особенной части УК РФ. Причинение им вреда при совершении преступлений против военной службы, безусловно, учитывается при установлении совокупного характера общественной опасности этих деяний. Однако главным критерием общественной опасности всех воинских преступлений является важность интересов военной безопасности государства, которые в данном случае выдвигаются на первый план.

Из ст. 1 Федерального закона «Об обороне» следует, что безопасность в ракурсе проблемы общественной опасности воинского преступления понимается как состояние защищенности жизненно-важных интересов личности, общества и государства. Последняя заключается, прежде всего, в том, что преступными деяниями в той или иной форме причиняется существенный вред военной безопасности государства или создается угроза причинения такого вреда. Общественную опасность представляют не сами по себе нарушения военно-служебных отношений, а те вредные последствия, которые могут наступить в результате допущенных нарушений. Сохранение государственного суверенитета и целостности Российской Федерации достигается различными средствами, в том числе и установлением конституционной обязанности граждан по защите Отечества.

Конституционная обязанность по защите Отечества предполагает наличие у военнослужащего особого правового статуса. Это предусмотрено Федеральным законом «О статусе военнослужащих». Особенности правового статуса военнослужащих в обществе определяются возложенными на них обязанностями по вооруженной защите государства, связанными с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни.

Конкретизируя сказанное, необходимо отметить, что степень общественной опасности указанных преступлений состоит в том, что они совершаются во время прохождения военной службы, а значит, наносят вред общественным отношениям, которые складываются в процессе военной деятельности. Преступления совершаются определенными способами: самовольным оставлением части или места службы заключается в отсутствии военнослужащего в части или на месте службы без разрешения командира (начальника), или неявкой в срок без уважительных причин на службу; дезертирство – в самовольном оставлении части или места службы в целях уклонения от прохождения военной службы, а равно неявке в тех же целях на службу. Военнослужащие, проходящие военную службу по призыву или по контракту тем самым наносят вред государству, которое представляют воинские части. К примеру, оставление поста часовым, отсутствие офицера, совершившего деяние, предусмотренное ст. 337 УК РФ наносит вред или создаёт угрозу причинения вреда воинской части, выражающийся в том, что, оставляя пост, часовой подвергает серьёзной опасности всё то, что ему было вверено под охрану и оборону, зачастую оставленное без охраны имущество является вооружением и боеприпасами, на захват которого рассчитывают террористы. Одной из обязанностей командира является обучение и воспитание военнослужащего. В период отсутствия офицера надлежащим образом не ведётся контроль за личным составом подчинённого подразделения, не осуществляется инструктаж по мерам безопасности при производстве различного вида работ. Осознавая, что контроль со стороны командиров отсутствует, военнослужащий, имеющий желание самовольно оставить воинскую часть не видит преград для осуществления задуманного и совершает таковое преступление. Допустив самовольную отлучку военнослужащий, чаще всего срочной службы, любыми способами и средствами избегает попадания обратно в воинскую часть по различным причинам. Зная, что к нему могут быть применены меры задержания

он намеренно готов совершить любые действия, вплоть до преступных (кража, грабёж, разбой, убийство), чтобы не попасть в часть, что ещё больше увеличивает общественную опасность совершённого преступления. Очевидно, что общественная опасность выражается не только в причинении, но и в угрозе причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. После совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 337, 338 УК РФ, военнослужащий продолжает представлять общественную опасность в том, что он способен на повторное совершение такого же преступления, если он и далее проходит военную службу.

Таким образом, общественная опасность преступлений против военной службы заключается в причинении вреда военной безопасности. Преступный вред военной безопасности выражается в той или иной форме ущерба боевой готовности воинской части, в которой военнослужащий проходит военную службу.

Необходимо не забывать, что общественная опасность представляет собой не только реальное причинение вредных последствий, но и создание угрозы их наступления.

Таким образом, общественная опасность рассматриваемых преступлений определяется тем, что военнослужащий, совершая самовольное оставление части или места службы или дезертирство, на тот или иной отрезок времени уклоняется от выполнения возложенных на него обязанностей военной службы, нарушает установленный порядок пребывания на военной службе, ставит себя вне воинского коллектива; кратковременное отсутствие военнослужащего на службе может отрицательно повлиять на выполнение повседневных задач боевой подготовки, поставленных перед подразделением или воинской частью; случаи продолжительного уклонения от военной службы представляют собой прямое нарушение военнослужащим своего конституционного долга по защите Отечества.

Характер военно-служебной деятельности в сочетании с её повышенной опасностью и обязательностью обуславливает необходимость выделения интересов военной службы в самостоятельный объект уголовно-правовой охраны, использования уголовного права как средства принуждения к соблюдению установленного порядка прохождения военной службы и решения специальных воинских задач исправления военнослужащих, предупреждения с их стороны совершения новых общественно опасных деяний.

Библиографический список:

1. Военный энциклопедический словарь. - М.: Военное издательство, 1986. - 456с.
2. Военно-уголовное законодательство: Учебник. - М.: Норма, 2012. - 189с.
3. Воинские преступления: Учебник. - М.: Юридическая литература, 1963. - 235с.
4. Возженников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. - М.: Норма, 2000. - 165с.
5. Зателепин О.К. Состав преступления против военной службы //Право в Вооруженных Силах. 2002. №6. - С. 6.

**Разумовская Стелла Георгиевна
Razumovskaya Stella Georgievna**

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ОТГРАНИЧЕНИЕ САМОВОЛЬНОГО ОСТАВЛЕНИЯ ЧАСТИ ИЛИ МЕСТА СЛУЖБЫ И ДЕЗЕРТИРСТВА ОТ СХОДНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

DELIMITATION OF ABSENCE WITHOUT LEAVE OR PLACE OF SERVICE AND DESERTION FROM SIMILAR OFFENSES

Аннотация: в статье рассматриваются особенности отграничения самовольного оставления части или места службы и дезертирства от сходных составов преступлений.

Annotation: the article deals with the features of the separation of unauthorized abandonment of a part or place of service and desertion from similar crimes.

Ключевые слова: общественная опасность, преступление, военная служба, самовольное оставление части или места службы, дезертирство.

Keywords: public danger, crimes, military service, unauthorized abandonment of part or place of service, desertion.

Несмотря на значительное количество признаков, позволяющих отграничивать рассматриваемые в работе преступления от других преступлений и правонарушений, правоприменитель зачастую допускает ошибки квалификации.

В первую очередь необходимо обратиться к разграничению исследуемых деяний между собой. Основное отличие лежит в плоскости целеполагания.

Совершая дезертирство, военнослужащий сознает, что он незаконно оставляет воинскую часть или место службы и желает таким образом уклониться от несения обязанностей военной службы. Цель уклонения от военной службы заключается в намерении виновного в течение всего предусмотренного законом срока уклониться от несения воинских обязанностей. В случае отсутствия данной цели квалификация осуществляется по ч. 4 ст. 337 УК РФ.

Следует различать цель уклониться от военной службы и мотивы дезертирства. Целью виновного при дезертирстве является уклонение от обязанностей военной службы путем самовольного оставления части или неявки в часть и пребывание, таким образом, вне военной службы. Цель обуславливается определенными мотивами. Мотивы эти могут быть весьма различными:

- нежелание переносить трудности военной службы;
- боязнь ответственности за совершенный проступок или преступление;
- боязнь смерти в военное время.

Мотивы дезертирства не имеют важного значения для определения степени общественной опасности преступления и преступника, для правильного применения наказания.

Ведь и в первом составе преступления и во втором виновное лицо уклоняется от прохождения военной службы, но по составу ст. 337 УК РФ временно, а по ст. 338 – постоянно. Постановление Пленума Верховного Суда РФ разъясняет, что при разграничении преступлений, предусмотренных статьями 337 и 338 УК РФ, судам необходимо исходить из того, что ответственность по ст. 337 УК РФ наступает лишь при наличии у лица намерения временно уклониться от исполнения обязанностей военной службы и по истечении определенного срока возвратиться в часть (к месту службы).

Примером неправильной квалификации действий военнослужащего на стадии предварительного следствия может служить уголовное дело, рассмотренное 23 сентября 2011 года Смоленским гарнизонным военным судом.

В ходе судебного заседания установлено, что 27 сентября 2009 года Ковалёв Д.А., с целью отдыха от военной службы самовольно оставил место службы – войсковую часть – и убыл домой к родственникам. 17 августа 2010 года он был задержан за совершение общеуголовного деяния и заявил о совершении им воинского преступления.

В судебном заседании подсудимый виновным себя признал полностью, дал показания соответствующие вышеизложенному и пояснил, что убыл из воинской части не намереваясь при этом вовсе уклониться от прохождения военной службы.

Органами предварительного следствия Ковалёв Д.А. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 338 УК РФ. В судебном заседании, повторно изучив доводы защиты и заслушав свидетелей, государственный обвинитель просил суд переквалифицировать содеянное Ковалёвым Д.А. с ч. 1 ст. 338 УК РФ на ч. 4 ст. 337 УК РФ, поскольку в суде не было установлено намерение подсудимого вовсе не служить в армии.

Суд переквалифицировал содеянное на ч. 4 ст. 337 УК РФ и назначил Ковалёву Д.А. наказание в виде лишения свободы на срок 2 года и 3 месяца лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении.

Анализ разграничения самовольного оставления части или места службы и дезертирства с другими преступлениями, целесообразно начать с преступления, предусмотренного ст. 339 УК РФ.

Указанная статья предусматривает ответственность за уклонение военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни, или причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), или подлога документов, или иного обмана. В статье уголовная ответственность за уклонение от военной службы указанными способами разделяется, в зависимости от умысла виновного, на временное уклонение от военной службы (ч.1 ст. 39 УК РФ) и на полное освобождение от военной службы (ч. 2 ст. 339 УК РФ).

В тех случаях, когда военнослужащий, самовольно оставив часть или место службы, в последующем принимает меры к уклонению от службы одним из способов, перечисленных в ст. 339 УК РФ, его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 337 (или ст. 338) и ст. 339 УК РФ.

Опоздание из отпуска, полученного путем обмана, также необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 337 и 339 УК РФ.

Если же лицо имело намерение путем обмана облегчить самовольное оставление части и скрыть его, а не добиться освобождения от военной службы, его действия не могут квалифицироваться по ст. 339 УК РФ.

Вызывает вопрос применения на практике ст. 337, 338 и 340-344 УК РФ. Самовольное оставление части или места службы во время несения боевого дежурства, пограничной, караульной службы, службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, внутренней службы или патрулирования в гарнизоне требует дополнительной квалификации, помимо ст. 337 (или ст. 338) УК РФ, по ст. 340 - 344 УК РФ при наличии признаков соответствующего состава преступления.

Самовольное оставление части или места службы и дезертирство необходимо ограничивать от преступления, предусмотренного ст. 328 УК РФ (уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы). Объект уклонения от прохождения военной и альтернативной гражданской службы иной, а именно – порядок управления в части комплектования армии и флота личным составом. Объективная сторона уклонения от прохождения военной и альтернативной гражданской службы выражается в совершении таких деяний, как уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы, то есть неявка призывника без уважительных причин в установленные повесткой место и день для отправки к месту службы, изменение им своего места жительства, членовредительство; неявка лица, освобожденного от военной службы, без уважительных причин к месту прохождения альтернативной гражданской службы в указанные в предписании сроки, прогул, обман и отказ от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы. Субъектами уклонения от прохождения военной и альтернативной гражданской службы выступают лица, подлежащие призыву на военную службу, и лица, освобожденные от военной службы, которые проходят альтернативную гражданскую службу.

Что касается соотношения самовольного оставления части или места службы и дезертирства с другими общеуголовными преступлениями, оно следующее. Совершение в ходе самовольного оставления части или места службы и дезертирства любого общеуголовного преступления, например убийства, кражи, грабежа, разбойного нападения, хищения оружия и т.д., подлежит, помимо ст. 337 (или ст. 338) УК РФ, дополнительной квалификации по ст.ст. 105, 158, 161, 162 или 226 УК РФ, соответственно.

Наконец, особого внимания заслуживает проблема соотношения преступления,

предусмотренного ч. 2 ст. 337 УК РФ, с преступными деяниями, ответственность за которые установлена ст.ст. 313 и 314 УК РФ.

Ст.ст. 313 и 314 УК РФ предусматривают ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, совершенный лицом, отбывающим наказание или находящимся в предварительном заключении, и за невозвращение лица, осужденного к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы места лишения свободы либо которому предоставлена отсрочка исполнения приговора суда или отбывания наказания, по истечении срока выезда или отсрочки, являющиеся преступлениями против правосудия.

Поскольку военнослужащий после осуждения к содержанию в дисциплинарной воинской части остается в сфере военно-служебных отношений, последующее самовольное оставление им части должно расцениваться как воинское преступление. Если же военнослужащий, привлеченный к уголовной ответственности, содержится под стражей в следственном изоляторе в порядке меры пресечения, он остается в сфере военно-служебных отношений, однако временно выводится из них, в связи с чем, его действия в случае побега из под стражи или ареста квалифицируются по ст.ст. 313 и 314 УК РФ. Полностью выводится из сферы военно-служебных отношений военнослужащий в день вступления в законную силу приговора суда в отношении него и в соответствии со ст. 51 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» он подлежит увольнению с военной службы без постановки на учет.

Юридическим критерием разграничения самовольного оставления части или места службы как воинского преступления и проступка выступает вид (характер) противоправности деяния. Преступлением против военной службы может быть признано лишь уголовно-противоправное деяние, то есть деяние, предусмотренное в гл. 33 УК РФ. Перечень правонарушений, признаваемых воинскими преступлениями, является исчерпывающим и определяется нормами гл. 33 УК РФ. Однако сами преступления против военной службы в диспозициях соответствующих норм излагаются по-разному. Решение вопроса о преступном характере правонарушения зависит от способа описания в законе признаков преступления.

Если в статьях гл. 33 УК РФ указаны конкретные признаки преступления, например, причинение средней тяжести вреда здоровью при сопротивлении начальнику (ст. 333 УК РФ), то определение преступности деяния, как правило, не вызывает сложности. При установлении в содеянном всех конкретно описанных признаков в той или иной норме гл. 33 УК РФ следует относить данное правонарушение к воинскому преступлению, тем самым признав за ним свойство уголовно-правовой противоправности.

В отдельных нормах преступление против военной службы характеризуется не строго определенными, а так называемыми оценочными признаками. В этих случаях разграничить воинское преступление и проступок по характеру противоправности весьма затруднительно. Например, в отдельных составах указывается в качестве конструктивного признака «причинение существенного вреда интересам службы» (ч. 1 ст. 332 УК РФ). Отнесение реально наступившего последствия к существенному вреду обуславливает признание деяния преступлением.

В таких конструкциях критерием разграничения воинского преступления с проступком также следует считать противоправность. Это означает, что если причиненный вред не относится к существенному, то и нет состава преступления. Иными словами, правонарушение в данном случае не обладает признаком уголовно-правовой противоправности.

На практике возможны ситуации, когда воинское правонарушение хотя и содержит признаки деяния, описанного в статьях гл. 33 УК РФ, но будет представлять собой не преступление, а дисциплинарный проступок. Не всякое правонарушение, формально содержащее признаки какого-либо преступного деяния, признается воинским преступлением. Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ действие или бездействие, хотя и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, не признается преступлением. В случаях, когда воинское правонарушение лишь формально содержит признаки того или иного деяния, предусмотренного гл. 33 УК РФ, но в силу малозначительности подпадает под действие ч. 2 ст. 14 УК РФ, то это означает, что данное правонарушение не образует преступления и может быть признано дисциплинарным проступком.

Вопрос разграничения воинского преступления и проступка в указанных случаях решается по признаку общественной опасности. Основанием для применения ч. 2 ст. 14 УК РФ является малозначительность деяния, исключая криминальный (уголовно-правовой) уровень его

общественной опасности. Малозначительность правонарушения определяется как объективными, так и субъективными признаками. При определении большего или меньшего уровня общественной опасности деяния необходимо учитывать всю совокупность его объективных и субъективных признаков, а именно: направленность деяния на тот или иной объект посягательства, характер самого правонарушения, наступление или отсутствие вредных последствий (если они наступили, какова степень их тяжести), характер виновности (умысел или неосторожность), мотивы и цели и др. Применительно к воинским правонарушениям малозначительными по объективным признакам могут быть признаны, например, утрата нескольких патронов к автомату, повреждение штык-ножа, которые лишь формально подпадают под признаки соответственно ст. 348 и ст. 347 УК РФ.

Библиографический список:

1. Панов И.И. Уголовная ответственность за самовольное оставление части или места службы и дезертирство: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 2008. - 35с.
2. Преступления против военной службы: Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Российской Федерации /Под ред. А.А. Тер-Акопова. - М.: Бек, 1999. - 256с.
3. Самойлов А.С. Квалификация дезертирства с оружием //Уголовное право. 2012. №3. - С. 35-37.
4. Толкаченко А.А. Становление и развитие системы исполнения уголовных наказаний в России (военно-пенитенциарные аспекты). - М.: Норма, 1997. - 214с.
5. Уголовное право: Общая часть: Учебник /Под ред. С.И. Улезько, И.А. Подройкиной, Е.В. Серединой. – М: Юрайт, 2019. – 653с.

Клочкова Александра Леонидовна**Klochkova Alexandra Leonidovna**

старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,
криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

E-mail: klochkova_alexa86@mail.ru

Светличная Людмила Александровна**Svetlichnaya Lyudmila Aleksandrovna**

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

CAUSES OF THE SHADOW ECONOMY IN RUSSIA

Аннотация: Россия находится в списке стран с высоким уровнем теневой экономики. Рост теневого сектора негативно влияет на развитие экономики страны. В статье рассмотрены основные причины возникновения теневого сектора, а также выявлены положительные и отрицательные стороны этого явления на экономику.

Annotation: Abstract Russia is in the list of countries with a high level of shadow economy. The growth of the shadow sector has a negative impact on the development of the country's economy. The article discusses the main causes of the shadow sector, as well as the positive and negative aspects of this phenomenon on the economy.

Ключевые слова: экономика, теневая экономика, налоги, нелегальная деятельность.

Keywords: economy, shadow economy, taxes, illegal activity.

Каждое государство встречается с такой проблемой, как теневая экономика. Следует признать, что проблема преодоления теневой экономики является одной из актуальных проблем государственного регулирования и управления. В практике научных исследований и государственного управления используются различные подходы к пониманию теневой экономики. Теневая экономика является экономической деятельностью, которую умышленно скрывают от государства и общества. Данная деятельность ведется вне государственного контроля и учета. Данный подход определяет ее основной признак с юридической точки зрения. А именно - теневой экономики не существует, так как деятельность ведется без использования государственных и правовых форм контроля и, следовательно, провоцирует получение неконтролируемого обществом дохода. В настоящее время теневая экономика определяется в качестве экономических отношений, в которых используются различные методы обхода общественных правил и законодательства государства. Любая предпринимательская деятельность, в которой происходит уклонение от налоговых и социальных обязательств, является нарушением законодательства, она может и должна считаться теневой деятельностью в экономике. По этой причине теневую экономику определяют, как незаконное предпринимательство. [2, С. 231–232]. Анализируя причины возникновения теневой экономики, исследователи отмечают, что страны, которые применяют низкие ставки налогообложения, имеют минимальное число законодательных актов, располагают высоким уровнем административного влияния государства на бизнес, как правило, имеют меньшие масштабы теневой экономики. Основными причинами возникновения и роста теневого сектора являются кризисное состояние национальной экономики и нестабильная политическая ситуация. Бюрократический механизм регистрации организаций провоцирует предпринимателя на «уход в тень». Немаловажной причиной развития теневого сектора является нежелание предпринимателей уплачивать чрезмерно высокие, по их мнению, налоги и сборы [9]. По мнению Э. де Сото теневая экономика представлена как особый вид хозяйственной деятельности, которая уклоняется от официального учета и контроля и часто (но не всегда) носит противоправный характер [4]. Г.А. Агарков говорит о сложности феномена теневой экономики, которая выражается в различных формах проявления, вовлеченных субъектов, этапов хозяйственной деятельности на федеральном и региональном уровнях, которые требуют методологических подходов на основе методологических подходов экономической теории, которые рассматривают различные аспекты данного явления [1]. Несмотря на определение явления

теневой экономики, у многих авторов можно встретить такие названия, как скрытая, неформальная и нелегальная экономическая деятельность. Под скрытой экономической деятельностью понимается сфера деятельности, которая скрывается или уменьшается для уклонения или уменьшения размера налогов и сборов, а также от выполнения административных обязанностей. К неформальной экономической деятельности относится деятельность, организованная на законных основаниях производителями, не оформленная в установленном законом порядке и базируется на неформальных отношениях участников производства. Такая деятельность заключается в сокрытии части произведенной продукции или оказанных услуг. Нелегальная экономическая деятельность является незаконной и охватывает производство и реализацию запрещенных товаров и услуг на территории государства [3, С. 19]. В январе 2018 года Международный валютный фонд опубликовал доклад Леонардо Медини и Фредерика Шнейдера под названием «Мировая теневая экономика: что мы изучили за последние 20 лет?». По их оценкам теневой сектор экономики в экономически развитых странах составляет 7–15% ВВП страны, в государствах с переходной экономикой - до 40%. [7]. В периоды кризиса данный показатель увеличивался, в связи с тем, что бизнес уходил в «тень» от «белых» способов ведения бизнеса в стране. Какие причины развития теневого сектора скрываются в России, если в настоящее время он играет большую роль в экономике страны? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо определить факторы, которые способствуют развитию теневого сектора экономики. Первая группа факторов имеет финансово-экономическое содержание.

1. Во-первых, на наш взгляд - это несовершенство налоговой системы. В России 40% прибыли бизнеса взимается в виде налоговых платежей и социальных отчислений в государственные фонды. Это говорит о том, что если бизнес откажется от «серых» схем, то такие платежи могут составить приблизительно 55% всей прибыли.

2. Подавляющей частью российского общества признается несправедливость распределения капитала в России. Таким образом, участие теневой экономики в перераспределении ВВП зачастую рассматривается в обществе как определенный способ восстановления справедливости.

3. Высокий уровень коррупции при распределении национального богатства. Крупномасштабные хищения бюджетных средств в последние годы снижаются. Вместе с тем, по оценкам Счетной палаты, хищения за 2017 год составляют около 5,8% от всех финансовых средств, выделяемых на реализацию государственных проектов и программ, а также при распределении прибыли государственных предприятий [8].

4. Отсутствие должной системной работы органов государственной власти по обеспечению выхода бизнеса из теневого сектора экономики. В настоящее время предприниматели не видят очевидных выгод работы без использования теневых схем. Напротив, наблюдения свидетельствуют, что изменения политики стимулирования предпринимателей к выходу из теневой экономики, зачастую сопровождалось увеличением уровня коррупции в стране.

К правовым факторам можно отнести следующие.

1. Имеющиеся проблемы и противоречия в законодательстве способствуют росту безнаказанности в нелегальной деятельности, избыточному регулированию деловой активности.

2. Коррупцированная и слабая система судебных и правоохранительных органов порождает коррупцию, а коррупция в свою очередь способствует развитию теневого сектора экономики.

3. Слабая защищенность легального бизнеса от произвола чиновников и правоохранительных органов способствует посягательству на собственность и заставляет предпринимателей оставаться в «тени» по соображениям безопасности.

4. Налоговые органы не вправе получать информацию о наличии и поступлении денежных средств физическим лицам. Отсутствие должного контроля в отношении доходов физических лиц, способствует росту участников теневого сектора экономики - незарегистрированных мелких предпринимателей, самозанятых граждан и пр.

Административные факторы.

1. Эффективность механизмов вертикального государственного управления находится на низком уровне. Охватывая все сферы экономической деятельности в России вертикально ориентированная модель направлена в большей степени на освоение бюджета и вмешательство в экономику страны, не на эффективное развитие предпринимательства.

2. Чрезмерные бюрократические процедуры и формальные административные барьеры препятствуют развитию бизнеса и появлению новых предприятий.

3. Некомпетентность работников государственного управленческого аппарата,

безответственность работы органов власти. С сожалением приходится констатировать, что заработная плата сотрудников органов власти, по сути, не зависит от результатов и эффективности их работы.

Проблемы, вызываемые теневым сектором экономики, носят системный характер, приобретают масштаб проблемы национальной безопасности. Их решение требует реализации целого комплекса мер, которые затрагивают все сферы жизнедеятельности, требуют совместной работы общества и государства.

Библиографический список:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть 2) от 05 августа 2000 № 117-ФЗ (в актуальной редакции) //Собрание законодательства РФ. 2000. № 40.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в актуальной редакции) //Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. – СПб: Юридический центр Пресс, 2016.- С. 17.
4. Ларичев В.Д. Налоговые преступления / В. Д. Ларичев, А. П. Бембетов; Всерос. науч.-исслед. ин-т, Акад. налоговой полиции ФСНП. - М.: Экзамен, 2016. – С. 183.
5. Лопашенко Н.А. Проблемы уголовной ответственности за налоговые преступления // Налоговые споры: теория и практика. 2014.- № 5.- С. 14-17.
6. Караханов А.Н. Проблемы уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов с организации. - М.: Издательство МСХА, 2018. - С. 86.
7. Коновод А.А. Объект и объективная сторона уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица как основные ориентиры в расследовании / Известия ТГУ. Экономические и юридические науки. Выпуск № 4-2. 2015 С. 181.
8. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – М.: Юристъ, 1997. – 512 с.
9. Кучеров И.И. Налоги и криминал: историко-правовой анализ. М., ВолтерсКлувер. 2016. – С.562.
10. Кучеров И.И. Налоговые преступления. М., ЮрИнфоР. 2015. – С. 398.
11. Кучеров И.И. Преступления в сфере налогообложения: научно-практический комментарий к УК РФ. М., ЮрИнфоР. 2016. – С. 438.
12. Соловьев И.Н. Налоговые преступления: Практика работы органов налоговой полиции и судов / И. Н. Соловьев. - М.: ФБК-Пресс, 2012. - 320 с.
13. Улезько С.И. Понятие налогового преступления / Философия права. Ростов-на-Дону: Изд во Рост.юрид. ин-та МВД России. 2012. № 3. С. 27-31.
14. Яцеленко Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности. Уголовное право. Особенная часть: Учебник // Под ред. А.И. Рарога. – М.: Изд-во «Триада ЛТД». 1996. – С. 202-203.

Светличная Людмила Александровна
Svetlichnaya Lyudmila Aleksandrovna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛЯ ДЛЯ ЛЕГАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

FORMATION OF THE LEGAL FRAMEWORK FOR THE LEGAL ECONOMY

Аннотация: в статье рассматриваются меры, направленные на противодействие с теневой экономикой.

Annotation: the article deals with measures aimed at combating the shadow economy.

Ключевые слова: экономика, теневая экономика, налоги, нелегальная деятельность.

Keywords: economy, shadow economy, taxes, illegal activity.

Внешне борьба с теневой экономикой часто носит конъюнктурный и бессистемный характер, а современной особенностью проводимых в стране реформ является их неправовой характер. Неправовой – не в том смысле, что законов мало или они «не работают», а в том – что реальное поведение населения и властей в период реформ лишь в малой мере регулируется законами. Поэтому одним из приоритетных направлений борьбы с теневой экономикой должно стать не проведение показных карательных мер, а планомерное совершенствование правового поля. В конечном счете, необходимо стремиться к тому, чтобы нарушать законы было экономически невыгодно. К текущему моменту в России уже сложилась система правового обеспечения деятельности субъектов: Конституция Российской Федерации; Гражданское право Российской Федерации; Налоговый кодекс РФ.

Несмотря на это, в целях создания и поддержания благоприятной правовой среды требуется постоянная корректировка легитимных условий деятельности субъектов хозяйствования, превентивная к применению репрессивных, уголовно-правовых мер.

Прежде всего, это относится к налоговому режиму. Следует создать истинно рыночную систему налогообложения с целью ослабления жесткости денежной политики и увеличения внутреннего спроса. Законы о налогах в современной России в силу их характера уважают меньше, чем любые другие. Закон должен быть общим для всех, постоянным и беспристрастным. Об эффективности налоговой системы позволяют судить такие признаки как: – простота; – стабильность и устойчивость; – синергизм. Между тем, рассматривая многие налоговые законы, мы не можем приписать им эти признаки. В этой связи необходимо снижение налогового бремени, чтобы увеличить прибыль, используемую на обновление и развитие производства. В силу разрыва между высоким уровнем налогового пресса и низким уровнем собираемости налогов существует возможность реально снизить этот пресс для законопослушного бизнеса и не допускать ущерба для бюджета, в том числе на основе проводимой политики «закручивания гаек» со сбором налогов. Поставленная задача снижения налогового давления со стороны государства должна также заключаться не только в снижении доли расходов государства в ВВП, но и в увеличении эффективности государственных расходов. Одним из способов повышения эффективности является оптимизация государственных расходов, снижение издержек по предоставлению государством своих услуг и повышение их качества. Многие предстоит сделать и для снижения транзакционных издержек предприятий, связанных с ведением бизнеса. Это касается упрощения и ускорения порядка регистрации предприятий. Важным направлением в формировании адекватного правового поля является принятие правовых актов, способствующих выводу «из тени» и развитию малого и среднего бизнеса. Это потребует усилий по обеспечению притока инвестиций, направленных на модернизацию и замену производственного аппарата, усиление инновационного характера развития, а также мер по поддержанию и созданию общеэкономической инфраструктуры (транспортной, производственной, системы профессионального образования и т.д.), необходимой для снижения транзакционных издержек в экономике и повышения ее эффективности. Одной из составляющих интеграции части теневой экономики в легальную может способствовать так называемая экономическая амнистия, (амнистия капиталов или налоговая амнистия) по поводу целесообразности

и форм которой в России разгоралась и разгорается острая дискуссия.

Это очень важный политический акт, затрагивающий не только фискальные интересы государства, но и влияющий на благополучие всех членов российского общества. Необходимо найти решение, которое устраивало бы основных участников процесса, давало простор экономическому развитию страны на данном этапе. Как правило, это разовая акция с ограниченным сроком действия, в ходе которой с уплатой определенного налога легализуются капиталы, полученные преступным путем (главным образом в результате укрытия от налогов). Опыт проведения экономической амнистии существует, в частности, в Ирландии, Казахстане, Турции, Мексике, Бельгии, Италии.

Под экономической амнистией следует понимать легализацию средств, которыми обладают граждане страны, но с которых в свое время не были уплачены налоги или были допущены другие нарушения законодательства. Основная цель экономической амнистии - фискальная - достигается путем сбора налоговых поступлений от декларации незадекларированных ранее доходов. При этом ключевым вопросом в проведении налоговой амнистии является размер платы за легализацию капитала. Возврат средств будет происходить только в том случае, если суммарные издержки легализации капитала при амнистии будут заметно ниже, чем при обычных формах. Анализируя вышеперечисленное, можно утверждать, что формирование правового поля для решения проблемы теневой экономики возможно лишь при взаимодействии различных государственных, общественных организаций и бизнеса. Большинство инструментов борьбы с теневой экономикой хорошо известны, при этом используются они бессистемно. Поэтому главная задача состоит не в поиске новых методов и средств борьбы, а в формировании соответствующего пакета инструментов из уже 55 известных. Только комплексное использование указанных мероприятий может привести к сдерживанию и ограничению масштабов теневой экономики, становлению здорового экономического пространства страны, ее конкурентоспособности.

Библиографический список:

1. Василевич Г.А. Противодействие коррупции. – Минск, 2015. - 138 с.
2. Верин В.П. Преступления в сфере экономики. - М.: Дело, 2003. - 192 с.
3. Гарипов И.М. Жертвы криминального коррупционного поведения: понятие, содержание, группировка. Казань. 2010. - 55 с.
4. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб.: Алеф-Пресс, 2018. - 574 с.

Научное издание

Коллектив авторов

Сборник статей LX Международной научной конференции «Свобода и право»

ISBN 978-5-6040934-2-9

Научный юридический журнал «Юридический факт»
Кемерово 2019